

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XV вв.*

Проф. П. Смирнов

I

Образование Русского государства во все времена привлекало внимание общественной и политической мысли. Каждая эпоха давала этому факту своё объяснение и создавала свою теорию его происхождения согласно с господствующей историко-философской концепцией.

Средневековая историко-провиденциальная школа старца Филофея и митрополита Макария создала теорию Москвы — третьего Рима. Волей божьего промысла русская держава сменяет древние мировые государства, включая Римскую империю и павшую в 1453 г. Византию: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не бывать».

Дворянский, крепостнический XVIII век отрывается от суеверия и в качестве исторического двигателя вместо божественного провидения провозглашает личность «просвещённого монарха», гением которого возникают царства.

Следуя М. М. Щербатову, Н. М. Карамзин считает основателем Русского государства великого князя Ивана III, который «без учения и наставления, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней, изобрёл благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную, для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства». «Отселе (т. е. от времени Ивана III.—П. С.) история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которая, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Народ ещё коснеет в невежестве, но правительство уже действует по законам ума просвещенного»¹.

По мнению Карамзина, один только Иван III был гениальным строителем Русского государства. Ни его предшественники, занимавшиеся «бессмысленными драками», ни народ, «коснеющий в невежестве», не принимали в этом участия.

Дворянско-буржуазная историография XIX в. не верила уже ни в премудрого бога, ни в просвещённого царя. Их место в её «умоначертании» занимают условия и силы природы, войны и особенно стихия обмена, торговля, которой стали придавать значение созидательной, положительной силы. «Чудеса» из истории исключаются. Роль личности у малывается, а личность и деятельность государей нередко оцениваются отрицательно и осуждаются.

* Редакция не разделяет основных положений статьи проф. П. Смирнова. Однако, учитывая важность поставленной проф. Смирновым проблемы и интерес к ней в советской исторической литературе, редакция печатает статью проф. Смирнова в дискуссионном порядке. Редакция приглашает специалистов-историков высказаться по затронутой проблеме на страницах журнала.

¹ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. IV стр. 3, 218—219. Изд. Евдокимова. СПб. 1892.

В 1834 г. ученик проф. М. Т. Каченовского — Н. В. Станкевич, — выражая, как предполагают, взгляды учителя, заявляет, что «Москва не одной личности князей своих одолжена своим возвышением». Важнейшими факторами усиления Москвы и, следовательно, образования Русского государства в XV столетии он считает факторы географический и внешнеполитический и только на третье и четвёртое места ставит заслуги митрополитов и князей. Следующие факторы определили возвышение Москвы среди удельных княжений: 1) центральное положение среди северо-восточных княжеств, в связи с чем создавалась относительная безопасность от татар и направлялся сюда поток переселенцев; 2) татарское нашествие, которое привело к разделению Руси, разгрому великого княжества Владимирского и создало возможность обогащения при сборе татарской дани; 3) пребывание в Москве митрополитов; 4) характер московских князей и их политика¹.

С. М. Соловьёв не признавал татарское влияние решающим фактором, а деятельность князей и митрополитов считал отражением стремлений народных масс, переходивших от всеобщего передвижения к крепостному уставу московской монархии XVI—XVII вв. как стадии «цивилизации». Но развитие этой активной силы ограничено и направлено географическими условиями. «Историческое деление русской государственной области на части обуславливается отдельными речными системами. Ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области: чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а естественно меньшим частям прищипывать к большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озёрная область, и Белая и Малая Русь примкнули к Московскому государству».

Образование Русского государства в XV в. в представлении Соловьёва — стихийный процесс, только завершённый Иваном III. «Иногда видим мы, как целые поколения, в продолжение многих и многих лет, тяжёлыми трудами накопят больше богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом, тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно, — и вот, наконец, счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством». Таким наследником Соловьёв считает великого князя Ивана III. «Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иван III, вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-восточной Руси могло почитаться уже оконченным, старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже лёгкий удар, чтобы дорухнуть его»².

Теория С. М. Соловьёва, таким образом, сочетала определяющее действие природных условий с присущей народам силой внутреннего развития, принимающей форму государственной деятельности выдающихся людей. Внешний фактор, например татарское завоевание, в ней отодвигался на задний план и ограничивался бытовыми заимствованиями.

Реакцией против теории Соловьёва была теория исторического развития и образования Русского государства Н. И. Костомарова. По мнению Костомарова, судьбы каждого народа определяются его характером, который складывается в доисторические времена. Но в период исторический первую роль играет именно внешний фактор. В частности татарское завоевание сыграло решающую роль в организации Русского государства и определило его характер. «Пока ещё Орда была сильна, власть великого

¹ Станкевич Н. «О причинах постепенного возвышения Москвы». «Учёные записки Московского университета» №№ 1, 2 за 1854 год.

² Соловьёв С. «История России». Т. I, стр. 24. Изд. «Общественная польза».

³ Там же, стр. 1350.

князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель именно только при содействии этой ордынской силы; но раз получивши в Руси твёрдость, великокняжеская власть не должна была уже потерять её и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая»¹.

Возникнув под влиянием татар-завоевателей, Русское государство и русское самодержавие, по мнению Костомарова, неизбежно воплощали в себе все отрицательные стороны «татарщины» и «азиатчины». Поэтому он даёт отрицательные характеристики русским князьям. Его труды — «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» и особенно статьи «Московские князья братья Даниловичи» и «Великий князь и государь Иван Васильевич» — являются документами идейной борьбы против самодержавия. Вероятно, отсюда взял материал для характеристики Ивана Калиты и Ивана III К. Маркс в своей «Секретной дипломатии XVIII века».

Однако влияние Н. И. Костомарова на русскую историографию было неглубоким и непродолжительным. Основное течение русской историографии спределил В. О. Ключевский, который в вопросе о возникновении Русского государства пошёл по пути, намеченному С. М. Соловьёвым. Его схему двух начал — географического, пассивного, и народно-стихийного, активного, — В. О. Ключевский развил, надолго укрепив её влияние среди русских историков.

По мнению В. О. Ключевского, основными двигателями исторического развития являются два фактора: экономический и политический, рынок и канцелярия. Оба они равновелики, но оба определяются географическими условиями страны. Ключевский считает, что процесс возвышения Москвы определяется фактором экономическим, а в процессе образования Русского национального государства главную роль сыграл военно-политический момент.

«Исторические силы, — говорит он, — работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования», выражались «прежде всего в экономических условиях, питавших рост города, а эти условия вытекали из географического положения его края в связи с ходом русской колонизации волжско-окского междуречья».

Москва и Московское княжество — это узел трёх дорог: с Волги на Оку через Ламу и Шошу, с реки Москвы на Клязьму через Язу и, наконец, с Днепровского юга на Ростов и Переяславль Залесский. Благодаря такому её положению около Москвы скапливались и осаживались большие массы переселенцев; она становится центром образующейся здесь великорусской народности и крупнейшим транзитным пунктом торговли, «что оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами»².

Географическое положение Москвы обусловило особое положение московских князей XIV—XV веков. «С географическим положением тесно связано было генеалогическое положение его князя».

Как город новый и крайний, Москва передавалась постоянно младшим князьям Всеволодова дома. Московский князь не мог рассчитывать дожить до старшинства и занять лучший стол легальным путём. Поэтому «московские князья вырабатывают своеобразную политику», не стесняя себя ни старинными родовыми счетами, ни политическими преданиями и приличиями. Они, по выражению автора, «внимательно высматривают, что лежит плохо, и прибирают это к рукам». В результате такой деятель-

¹ Костомаров Н. «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», стр. 170. СПб. 1888.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 4—5, 7, 11.

ности значительно расширилась территория княжества, приобретено было великокняжеское достоинство. Москва стала церковной столицей всей Руси, а затем была одержана и знаменитая победа над татарами. Старший сын по наследственному праву приобретает «чисто материальное имущественное преобладание» перед остальными братьями; из его доли вырастает единое государство; из победы над татарами — самодержавие.

В. О. Ключевский не допускает в деятельности московских князей, созидавших Русское национальное государство, ни политической цели, ни сознания совершаемого, ни даже одарённости и ума. Всё дело как раз в «посредственности» московских князей. Московские Даниловичи, говорит он, «отличаются замечательно устойчивой посредственностью, — не выше и не ниже среднего уровня». Не государственными замыслами они руководятся, а просто преследуют интересы частного обогащения и имеют успех потому, что в те времена только некрупные люди могли совершать крупные дела. Корыстные захваты, помимо сознания князей, обращают Московское княжество в Русское государство. Растёт власть, возникают новые отношения к боярам, накапливается воинская сила. Но момент рождения государства не в накоплении Ивана Калиты и не в деятельности Ивана III. Московское государство «...было... народным лагерем, образовавшимся из боевой Великороссии Оки и верхней Волги. Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»¹.

Теория Соловьёва — Ключевского о географическом факторе и зависящих от него действительных факторах экономического и политического порядка отвечала как двойственной природе дворянско-буржуазного общества XIX в., так и его оппозиционным настроениям. Она столь же характерна для историографии XIX в., как теория «просвещенного монарха» характерна для историографии XVIII в. или теория Москвы — третьего Рима — для писателей эпохи образования Русского государства XV—XVI веков.

Не провидение и не государи, действующие «по законам ума просвещенного», двигают историю и создали Русское государство в XIV — XV веках. Стихийная сила природы, географический фактор, помимо воли и сознания людей, определяет экономические и политические события, которые в свою очередь являются факторами второго и третьего порядка. В дальнейшем эта теория подвергалась не столько изменениям, сколько модификации и переработке, в зависимости от того, какой из двух факторов второго порядка выдвигался на первое место и являлся руководящим в процессе созидания Русского государства в системе и трудах того или иного историка: война или торговля, дворянский меч или буржуазный рынок.

Так, П. Н. Милоков решающим фактором образования Русского государства в XIV—XV вв. считал военный фактор. При низком уровне экономического и социального развития «русская государственная организация сложилась раньше, чем её мог создать процесс этого внутреннего роста сам по себе. Она была вызвана к жизни внешними потребностями, насущными и неотложными: потребностями защиты и самосохранения».

Возникшие из развала Золотой Орды татарские улусы — казанский, крымский и ногайский — опустошали землю, грабили и брали в плен население. Опасность грозила казне и даже личности московского великого князя. А с запада надвигалась Литва. Благодаря этому «Москва становится с конца XV века наступающим военным станом, главным штабом армии, опирающейся на русский север и действующей на три фланга — на юг, на восток и на запад».

«В удельной Руси не было зародышей для образования дворянства как привилегированного класса», и «раньше чем город стал нужен насе-

¹ См. Ключевский В. Указ. соч., стр. 11, 24, 29—30, 59, 63; «Боярская дума», стр. 521. М. 1919.

лению, он понадобился правительству» как военный оборонительный пункт.

«Таким образом общественный материал оставался разрозненным, бесформенным, хаотически перемешанным до тех пор, пока не явилась столь же элементарная потребность в усилении государственной власти. Потребность эта явилась у нас не изнутри, не вследствие внутреннего развития общества, а вследствие внешней необходимости — государственной защиты»¹.

П. Н. Милюков считал, что московские великие князья могли ставить политические государственные задачи, т. е. задачи освобождения и создания общерусского государства, но только после того, как в их руках скопились для этого достаточные силы. Вопреки В. О. Ключевскому он считает политическую деятельность Ивана Калиты и других князей не только стяжательством, а сознательной политической работой, хотя сознание также прояснялось постепенно. «В... «стихийной работе» прародителей московского самодержца, без сомнения, была своя сознательность и своя традиция», — говорит он. «Свеча, зажжённая Калитой, не гасла, а разгоралась ярким пламенем при его сыновьях, внуках, правнуках и праправнуках»².

И. Е. Забелин выдвинул на первое место в создании Москвы и Московского государства не физическую, а экономическую географию, сливая таким образом в единое понятие различные моменты, существующие у Ключевского раздельно. «Город, — говорит он, — и своим зарождением и своим богатством и процветанием всегда является только выразителем проходящих в этой местности торговых и промысловых народных сношений и связей, и само собой разумеется, что бойкий перекрёсток таких связей и сношений особенно способствует возникновению даже не одного, но многих городов. Во всём мире все знаменитые и господствующие и до сих пор города нарождались и развивались силою указанных причин и обстоятельств»³. Не была исключением из правила и Москва и как город и как государство. Она возникает на двойном узле Московско-Клязьминского торгового пути, который связывал Балтийское и Каспийское моря. А если вспомнить, что отсюда же, из Москвы, начиналась дорога к южному Чёрному морю, в Сурож, то значение Москвы и её дальнейшая роль становятся совершенно понятны.

Против крайностей торгово-посреднической или коммерческой гипотезы Забелина возражал проф. С. Ф. Платонов. По его мнению, своим возникновением и будущим значением Москва обязана всему положению, но в первую очередь не как торгового пункта, а как крепости на юго-западной окраине Ростово-Суздальской земли. И когда в конце XIV в. произошёл «великий перелом» в истории Московского княжества, оно стало превращаться в национальное государство, а московский князь — в объединителя и вождя всего великорусского племени, толчком к этому послужила великая битва на Куликовом поле. Русское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты», — метко и красиво сказал о нём В. О. Ключевский»⁴.

Вслед за Костомаровым и Ключевским проф. В. Сергеевич, стремясь развенчать московских князей, заменяет народ Соловьёва боярством. Ивана Калиту он именует «раболопным слугой ханов», который по их приказанию воюет против русских городов: Твери, Пскова и Смоленска. «Всякая мысль о государственном могуществе Москвы была чужда этому князю», — говорит он. — Разделивши государство между тремя сыновьями

¹ Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 126—127, 189, 193, 231. 4-е изд. СПб. 1900 (1-е изд. 1896).

² Милюков П. Указ. соч. Ч. 3-я. Вып. 1, стр. 24, 28. СПб. 1901.

³ Забелин И. «История города Москвы», стр. 7. 2-е изд. М. 1905.

⁴ Платонов С. «Лекции по русской истории», стр. 128. СПб. 1904; его же «О начале Москвы». Статьи по русской истории, 2-е изд. СПб. 1912.

и женой с малолетними детьми, Калита явился «основателем противогосударственного порядка, а не могущества и славы Москвы». «Единое Московское государство образовалось наперекор видам Калиты. Преемникам его надо было начинать работу сызнова и в духе совершенно противоположном тому, в каком действовал он. Надо было разрушить созданный им порядок». Заслуга создания государства принадлежит боярскому классу¹.

М. К. Любавский придаёт руководящее значение княжеской политике, но определяющее значение сохраняется за географическим фактором. Москва возвышается благодаря стихийному приливу сюда переселенцев, идущих однако не с югозапада, а с востока, из Суздальско-Нижегородского княжества, подвергавшегося постоянным набегам татар².

А. Е. Пресняков заново пересмотрел большой летописный материал по интересующему нас вопросу. Вслед за Сергеевичем он стремится рассмотреть вопрос с позиций юридической школы, эклектически соединяя её с отдельными положениями теории Соловьёва и Ключевского. Географический фактор понимается им по Платонову. Княжеское начало доминирует над влиянием иных общественных сил. Иван III в его трактовке является «организатором великорусского государства», но ему приходится строить государство «на крепко заложенном фундаменте».

Московское государство — это не только «своеобразное соединение вотчинной и династической традиции, перерождённой в понятие национального государства», но и «новая система международных отношений». Возникает оно не бессознательно, вопреки утверждениям Ключевского, и не вопреки деятельности князей, как утверждал Сергеевич, а путём собирания князьями власти «в развитие стародавней традиции о патриархальном великом княжении „в отца место“». Князья московские собирают не земли, а именно власть; они строят государство путём «ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия», а не как хищники и скопидомы³.

II

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение вопроса о причинах образования Русского государства несколько подвинулось вперёд. Однако собственной концепции и правильного решения вопроса советские историки всё же не нашли и поэтому не сумели отойти от традиционного дворянско-буржуазного понимания его природы и развития.

Г. В. Плеханов убедительно показал несостоятельность всякого рода плюралистических построений исторического процесса, в том числе и русского. Не будучи, однако, историком, он не смог привлечь ни новых фактов, ни новых методов их истолкования и был принуждён вращаться в кругу идей тех самых буржуазных историков, которых он опровергал, особенно С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского: Чтобы вырваться из этого круга, он создаёт малоубедительную теорию колебания русского исторического процесса между типом европейского развития и типом азиатской деспотии, подобной древне-египетскому царству, Халдее, Китаю, Индии и даже обществу негров Занзибара.

«О полном своеобразии русского исторического процесса не может быть и речи, такого своеобразия вообще не знает социология... — говорит Г. В. Плеханов. — В нём есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий. Они то увеличива-

¹ См. Сергеевич В. «Древности русского права». Т. I, стр. 57, 63. СПб. 1909.

² См. Любавский М. «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.», стр. 214—217. М. 1916.

³ Пресняков А. «Образование великорусского государства», стр. 114, 443, 459. Пгтр. 1918.

ются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Западом и Востоком»¹.

В своём анализе Г. В. Плеханов довольно много места отвёл социологическому анализу киевского и московского периодов, не выделяя периода раннего феодализма XII—XV вв., в результате чего у него как бы выпала проблема образования Русского, или Московского, государства в XIV—XV столетиях. Он касается её в связи с проблемой происхождения московского самодержавия, что, разумеется, не одно и то же. По мнению Г. В. Плеханова, самодержавие возникает согласно утверждению Ключевского в результате давления татар и борьбы с ними. «Борьба с кочевниками, — говорит он, — увеличивая власть князя, как военного сторожа русской земли, вместе с тем замедляла экономическое развитие Руси. Чем мешала возникновению в ней — за исключением Волыни и Галиции — влиятельного боярства, способного выставить определённые политические требования и, в случае надобности, поддержать их силой. Те условия, в которых очутилось русское население, перебросившееся с юго-запада на северо-восток, ещё более усиливали эти «европейские недочёты в русской исторической жизни» и тем содействовали постепенному сближению русского общественного быта и строя с бытом и строем великих восточных деспотий»².

Н. А. Рожков сделал много очень ценных замечаний об образовании Русского государства, но ему не удалось свести их в систему. Он не столько прстивополагал свои выводы старой концепции, сколько старался подкрепить её со своей стороны. Н. А. Рожков поддерживает мысль С. М. Соловьёва о решающем значении географического фактора, которому он отводит, однако, как и Соловьёв, не основную, движущую, а ограничивающую и направляющую роль. Активная роль у него отводится росту населения и явлениям хозяйственного порядка. Основным фактором перехода от удельной раздробленности к единому национальному государству в XV — первой половине XVI века Н. А. Рожков считает развитие более интенсивных форм земледелия. Однако он не считает это развитие решающим производственным фактором, а сводит его значение к подготовке закрепощения крестьян. «Собирание Руси Москвой началось не собиранием власти, а собиранием земли», как это утверждал В. О. Ключевский. Если московские князья опередили в «приобретательской деятельности» других, то на это были особые причины, коренившиеся в хозяйственных условиях.

Однако, переходя к систематизации своих взглядов на возвышение Московского княжества и обращение его в Русское государство, Н. А. Рожков возвращается к старым тезисам, заимствованным преимущественно у В. О. Ключевского. Не отвергая мысли С. Ф. Платонова о военнопграничном значении Москвы, Н. А. Рожков считает основными причинами её возвышения и обращения в Русское государство: 1) географическое положение Москвы на перекрёстке нескольких дорог, благодаря чему Москва была важным торговым пунктом и первым этапом для колонистов, шедших с юга на север; 2) выгодное географическое положение в смысле безопасности от татарских набегов; 3) сложение здесь великорусской народности. Поэтому, по мнению автора, московские князья в своей деятельности — не воины и не политики, а только корыстолюбивые собиратели земли, т. е. имущества, но не политической власти. Они «своего прирбытка смотрели». «Новые же политические понятия были им долго совершенно чужды и выросли незаметно для них самих из самого процесса собирания Руси, да и выросли-то очень мало... Эгоист

¹ Плеханов Г. «История русской общественной мысли». Соч. Т. XX. Ч. 1-я. стр. 12.

² Плеханов Г. Указ. соч., стр. 57.

с XIV века и является окончательной типической фигурой в психологической жизни русского общества»¹.

В статье «Правда ли, что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию» М. Н. Покровский остроумно высмеивал неудачу Г. В. Плеханова и иных историков, пытавшихся выбраться из лабиринта старых воззрений на образование Русского государства. «Этот вопрос о возникновении русского абсолютизма и оказался тем крючком, на который буржуазные историки поймали двух чрезвычайно крупных марксистских рыб. Поймали потому так легко, что марксисты тут, в этом вопросе, были перед ними совершенно беззащитны; ибо существующие буржуазные книжки для материалистического объяснения факта, разумеется, ничего не дают. И не дают даже не потому, что сознательно хотят втереть очки, замазать истину, а просто потому, что сами смотрят в другую сторону; не питают ни малейшего сомнения насчёт догмата внеклассового государства, буржуазные историки и не ищут, конечно, экономической базы самодержавия. Им нужно объяснение политическое: его они находят, вполне удовлетворительное, с их точки зрения, в интересах военной обороны от внешнего врага. Почему Русь сплотилась около Москвы? Нужно было защищаться от татар. Ясно и просто»².

Однако марксистских рыб, о которых говорит М. Н. Покровский, оказалось не две, а гораздо больше, и самой крупной из них был он сам.

Обращаясь к вопросу о возвышении Московского удела и образования Русского государства, М. Н. Покровский объясняет его в первую очередь торговлей. Московский удел, по его мнению, возвышается благодаря следующим причинам: 1) выгодному географическому положению на торговых путях, в связи с чем князья могли «сбирать мыта с купцов больше, чем кто бы то ни было другой»; 2) густому населению, стекавшему сюда в поисках безопасности, так как здесь реже были татарские набеги, а московский князь, имея хорошие доходы, «был менее драчливым, чем другие»; 3) покровительству ханов московскому князю, как «наиболее слабому и в глазах хана наиболее безобидному»; 4) поддержке церкви. В этом ряде причин возвышения Москвы автор считает основную причину экономическую, а именно — развитие торговли, которая была внешней для Москвы.

В XII в. Москва была только княжеской усадьбой. «А в конце XIV в., т. е. через 200 лет, в Москве было несколько тысяч дворов, т. е. несколько десятков тысяч населения... которое, само собой, не могло обрабатывать землю, не пахать и должно было получать хлеб извне». Такой город «мог существовать только благодаря торговле хлебом и другим сырьём. Если бы также сырьё не подвозилось из окрестных земель, население города погибло бы с голода или должно было разбрестись»³.

М. Н. Покровский не разъясняет, в каком порядке поступал хлеб для снабжения населения Москвы. Но уже оговорка, что это был хлеб «из окрестных земель», свидетельствует, что основную роль в этом процессе он отводил не организации вотчинного производства и снабжения в порядке феодальных повинностей, а торговле, торговому капиталу. Только в 1931 году М. Н. Покровский отказался от этой ошибочной установки и даже назвал «безграмотной» созданную им теорию «торгового капита-

¹ Рожков Н. «Исторические и социологические очерки». Ч. 1-я, стр. 164. М. 1906; его же «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Т. I, стр. 12—13. М. 1919; т. III, стр. 5, 22—23, 25, 29—30, 51—53. М. 1922. В работе «Происхождение самодержавия в России» по данному вопросу автор ничего нового не добавляет (2-е изд. Пггр. 1923). Хороший критический разбор построений Н. А. Рожкова даёт Покровский М. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 109—118. Пггр. 1923.

² Покровский М. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 124—125.

³ Покровский М. «Русская история в самом сжатом очерке», стр. 32—34. 11-е изд. Партиздат. 1933 (1-е изд. 1920).

лизма», потому что, писал он, «капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит... но в основе всей общественной структуры лежит именно производство»¹.

Таким образом, М. Н. Покровский в конце концов отверг и военный фактор и торговлю в качестве первенствующего фактора в образовании Русского государства, т. е. оба тезиса историков XIX века. Но пересмотреть историю образования Русского государства с этих новых позиций — зависимости общественной структуры от производства — он не успел, а широко распространённые в качестве учебников его труды не только не поколебали, но укрепили в сознании современников тезис Ключевского — Забелина о ведущем, решающем значении торговли в историческом процессе, в частности в образовании Русского государства.

Позднейшие исследователи привлекли к решению вопроса ещё добавочный материал из высказываний классиков марксизма-ленинизма об историческом процессе вообще и о порядке образования национальных государств.

Особенно охотно привлекались к решению проблемы возникновения Русского национального (или многонационального) государства высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина, хотя они имеют к названной проблеме только косвенное отношение и используются в нашей исторической литературе не всегда правильно.

Ленин в статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», возражая против «детской побасенки, которой учат гимназистов», будто бы сначала была семья, потом племя, которое разрастается в государство, утверждает, что Г. Михайловский не имеет представления о ходе русской истории. «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси,— пишет Ленин,— то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период фактически слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

В приведённом отрывке Ленин устанавливает деление русской истории на три периода: древний, когда существовали родовые союзы; средневековый, когда государство распадалось на отдельные «земли» и княжества, а затем объединилось в Московское царство, сохранявшее внутри многие пережитки феодальной раздробленности, и новый период, «примерно с 17 века», когда растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок привели к фактическому слиянию областей, земель и княжеств в одно целое.

Совершенно ясно, что в приведённом отрывке Ленин ничего не говорит о причинах, благодаря которым возникло Московское государство,

¹ Покровский М. «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», стр. 491—492. Приложение к «Русской истории в самом сжатом очерке». Партиздат. 1933. (Первоначально — в журнале «Борьба классов» № 2 за 1931 год).

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

объединившее земли и княжества. Развитие внутреннего обмена, или «усиливающийся обмен между областями, постепенно растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один все-русский рынок» им отнесены к периоду не возникновения, а существования уже образовавшегося Московского государства, не к XIV—XV, а к XVI—XVII вв., в крайнем случае, к периоду конца XV—XVII столетий. Развитие внутреннего обмена сопровождается, а не предваряет и не определяет образование государства; оно не является поэтому, по учению Ленина, причиной образования единого Московского государства.

В. И. Ленин предупреждает против произвольных пролонгаций категорий и надстроек одной исторически определённой общественной формации на другую формацию и против принятия таких категорий и надстроек за явления «общие и вечные»¹. И хотя возникновение единого государства взамен раннефеодальной раздробленности не является результатом смены формаций, а составляет лишь переход от одной ступени политического развития к следующей в пределах одной и той же феодальной формации, однако превращение развития обмена в причину образования политического единства является как раз такой незаконной пролонгацией, против которой предупреждал В. И. Ленин. Приписывать Ленину взгляд, будто двигателем образования Русского государства было развитие рыночных отношений, — значит без достаточных оснований относить к XIV—XV столетиям то, что Ленин устанавливает для XVI—XVII столетий. Даже принимая условно такую пролонгацию, мы не сможем на основании слов Ленина придти к заключению, что развитие обмена являлось основной, ведущей причиной установления политического единства, потому что нигде Ленин этого не говорил да и сказать не мог.

Примером такой же незаконной пролонгации является утверждение проф. В. В. Мавродина, будто бы «в работе «Национальный вопрос» Ленин подчёркивает, что основой создания национальных государств является экономическая необходимость, обусловленная в свою очередь развитием рынка как центра торговых отношений»².

В указанной работе Ленин говорит об образовании национальных государств нового времени, а не национальных государств вообще, о государствах расцвета буржуазной формации, а не формации феодальной, как утверждает проф. Мавродин. Определение Ленина — «Россия — национальное государство в основе, базе, центр (Псков — Ростов н/Д). Окраины — национальности» и т. д. — относится к России периода первой буржуазной революции, а не к России XV—XVI столетий. И когда проф. Мавродин относит вышеприведённое мнение Ленина к возникающему в XIV—XVII вв. Русскому государству, он неправильно приписывает Ленину то, что говорили Ключевский, Забелин, Покровский, и пытается авторитетным именем Ленина подкрепить устаревшие буржуазно-экономические воззрения.

Для решения проблемы образования Русского национального государства также широко используются историками высказывания И. В. Сталина в его работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос» и в докладе на X съезде партии «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В первой работе товарищ Сталин установил, что в Западной Европе «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации... Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

² Мавродин В. «Образование Русского национального государства», стр. 123. Огиз. 1941.

себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию... Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда отёртые на задний план национальности не успели ещё консолидироваться экономически в целостные нации»¹.

В первой статье товарищ Сталин не останавливается на, вопросе о причинах такого своеобразия в порядке развития национальных государств в Западной и Восточной Европе. А в докладе «Очередные задачи партии в национальном вопросе» он указывает причину своеобразия развития восточноевропейских многонациональных государств. «В этих странах, — говорит он, — капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удерживать напор нашествия»².

Нам кажется ясным, что в обоих высказываниях товарища Сталина не ставилась задача выяснения причин, которые привели к уничтожению феодальной раздробленности и образованию единых национальных или многонациональных государств; во всяком случае, товарищ Сталин внешний фактор не считает такой причиной. Достаточно того, что там, где этот фактор отсутствовал, на Западе, объединённые национальные государства, тем не менее, возникали. Не видно, чтобы давление внешней опасности было ведущей, основной причиной перехода от феодальной раздробленности к централизованным государствам и в Восточной Европе: это давление ускоряло и видоизменяло процесс объединения, но не порождало его. Не эта причина способствовала созреванию тех передовых национальностей, которые взяли на себя роль объединителей в Восточной Европе. Они исторически созрели, тогда как другие ещё не успели созреть до национальности, когда внешняя опасность заставила и тех и других войти в централизованные государства. Такова мысль товарища Сталина в обоих приведённых высказываниях.

Приписывать И. В. Сталину на основании приведённых высказываний, будто бы он считает, что процесс образования централизованных государств и на Западе и на Востоке возник под влиянием в основном одних и тех же причин — в результате давления внешней опасности, — значит сближать его взгляды со взглядами проф. П. Н. Милюкова и С. Ф. Платонова, с которыми они ничего общего не имеют. К сожалению, в нашей учебной литературе такое смещение обратилось в традицию.

Одной из основных современных работ о происхождении Русского национального государства является труд проф. В. В. Мавродина «Образование Русского национального государства», вышедший в Ленинграде в 1937 г. и повторно — в 1941 году. В. В. Мавродин расчленяет проблему образования Русского национального государства на три самостоятельных вопроса, что было намечено ещё В. О. Ключевским. Это позволяет автору создавать по каждому из трёх вопросов как бы самостоятельную причинную цепь. Период IX—XVI вв. автор рассматривает в четырёх главах. В главе II говорится о «причинах объединения русских земель»; в III главе даётся «начало объединения Руси» и в главе IV — «образование Русского национального государства». Каждому из этих процессов образования государственного единства автор приписывает свои причины. Объедини-

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10—11. Партиздат. 1934.

² Там же, стр. 73.

тельный процесс в целом, по мнению автора, возникает: в результате борьбы русского народа с татарами, немцами и литовцами; на основе развития сельского хозяйства, в котором происходит смена подсечной системы трёхпольем; на основе стремления феодалов в объединительном процессе создать такую княжескую власть, которая помогла бы им овладеть землёй и крестьянами; наконец, в развитии внешней и внутренней торговли. Бояре, дворянство, церковь и посадское население поддерживали князей в борьбе за объединение Руси.

Однако автор считает, что экономические предпосылки для объединения мелких княжеств в XIV в. ещё не созрели в достаточной мере, и если объединительный процесс происходит, то в связи с внешней опасностью и борьбой против неё. При этом он ссылается на вышеуказанное высказывание И. В. Сталина.

Основной причиной усиления Московского княжества В. В. Мавродин считает географическое положение Москвы: он отмечает выгодное положение Москвы в смысле безопасности, а также её положение «на очень удобных и важных торговых путях», которые пролагаются именно в XIV веке. Кроме того он отмечает скромное разномножение московского княжеского дома, поддержку церкви и, наконец, удачливую и умелую политику московских князей.

В последней, IV главе — об образовании национального государства во второй половине XV и в первой трети XVI в. — автор из ряда причин на первое место выдвигает причины экономического порядка, в частности торговлю, причём свои утверждения пытается обосновать высказываниями Ленина. Следующие факторы предопределили, по мнению В. В. Мавродина, образование Русского национального государства: укрепление феодального землевладения, организация армии, живучесть Москвы как крепости, политического и административного центра и посада и особенно развитие торговли; рост больших торговых городов; возобладание трёхполья в центре Руси; развитие в XV в. менового хозяйства.

Подводя итоги, автор говорит: «К середине XV столетия создались все условия для превращения Московского княжества в Русское государство. Рост общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства и развитие товарно-денежных отношений к этому времени достигают такой ступени развития, когда необходимым условием для дальнейшего роста производительных сил страны является окончательная ликвидация феодальной раздробленности и создание единого, централизованного государства. В работе «Национальный вопрос» В. И. Ленин подчёркивает, что основой создания национальных государств является экономическая необходимость, обусловленная, в свою очередь, развитием рынка как центра торговых отношений»¹.

Таким образом решается проблема образования Русского национального государства в книге В. В. Мавродина.

Отдавая должное попытке автора сочетать отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными элементами марксизма, мы не можем принять эти заключения как научное достижение. Его сложная эклектическая система внешне громоздка и внутренне противоречива. Она не соответствует монистической теории исторического материализма и поэтому ненаучна.

Вторым современным автором, много работавшим над вопросом образования Русского государства, является проф. К. В. Базилевич. Ему принадлежат: соответствующий раздел в учебнике по истории СССР под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина и два издания его лекций в Высшей партийной школе: первое под названием «Курс истории СССР», вышедшее на правах рукописи в 1940 г., и второе — «История СССР от древнейших времён до се-

¹ Мавродин В. Указ соч., стр. 128. См. Ленинский сборник XXX, стр. 62.

редины XV века», — выпущенное в 1944 году. Взгляд на процесс образования Русского государства XV в. во всех трёх изданиях один и тот же.

В основном К. В. Базилович стоит очень близко к концепции В. В. Мавродина, но вместе с тем он близок к взглядам В. О. Ключевского и Забелина, стремится в то же время дать самостоятельную, по возможности марксистскую, трактовку вопроса. Вслед за первыми двумя названными авторами К. В. Базилович считает необходимым расчленить проблему феодальной концентрации на три отдельных вопроса. По его мнению, «начало объединения Северовосточной Руси» было обусловлено выгодным географическим положением с.-в. княжеств «в центре важнейших речных путей». Они были прикрыты со стороны Золотой Орды другими русскими землями и меньше подвергались разорению¹.

Этот этап обусловлен своими «общественно-экономическим развитием и политической обстановкой в связи с борьбой русского народа с внешней опасностью». Он не связан со вторым этапом — «объединением русских земель вокруг Московского княжества». В то же время «социально-экономические и политические условия, вызвавшие усиление Московского княжества в XIV в., не были ещё условиями, необходимыми для создания централизованного феодального государства. Последние сложились во второй половине XV в.»².

Выдвинув эти постулаты, автор, однако, всё сводит к нарастающему влиянию основного фактора — к развитию торговли. Иван Калита богател «в результате как торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь расположением Москвы в узле торговых дорог, так и в результате суровой финансовой политики»³, в то же время «рост политического объединения русских земель под главенством великого князя московско-владимирского происходил на основе усиливающегося экономического общения между отдельными русскими княжествами и городами». Развитие торговли на этом этапе создаёт качественные изменения в общественно-экономической обстановке; благодаря ему происходит общественное разделение труда и возникает важнейшее условие для роста торгово-ремесленных посадков. «Распространение рыночных связей, — говорит автор, — приводило к обособлению торговли от производства и к развитию профессионального купечества в области не только внешней, но и внутренней торговли». «Развитие торговли составляло важнейшее условие для роста городских посадков», так что уже при Дмитрии Донском в Москве было много ремесленников. Уже на этом этапе развитие обмена (именно оно, а не что-либо иное) создаёт посылки будущего политического объединения страны, потому что «развитию торговых связей... препятствовали существовавшие... экономические и политические перегородки...» «Поэтому торговое и ремесленное посадское население поддерживало объединение страны, необходимое для интересов развивающейся внутренней торговли»⁴.

Наконец, третий, решающий момент образования единого государства автор снова обуславливает дальнейшим развитием обмена. «Основными причинами образования Русского государства в конце XV в., — говорит он, — следует считать: 1. Экономическое развитие русских земель, выразившееся в появлении общественного разделения труда и товарного обращения, в силу чего усиливались экономические связи между отдельными городами и землями. 2. Классовую заинтересованность земельных собственников в создании сильной верховной власти, способной подавить сопротивление крестьян. 3. Политические условия, требовавшие образования централизованного государства для борьбы с внешней опасностью»⁵.

¹ «Курс истории СССР». Т. I, стр. 226—227; «История СССР», под ред. проф. В. И. Лебедева, ак. Б. Д. Грекова и ч.-к. АН С. В. Бахрушина. Т. I, стр. 227.

² «История СССР». Т. I, стр. 221.

³ Там же, стр. 227.

⁴ «История СССР». Т. I, стр. 237, 238.

⁵ Там же, стр. 301.

Таким образом, на всех трёх этапах расчленённого процесса развития Русского национального государства, протекающих якобы независимо один от другого, ведущим и решающим фактором является развитие обмена или торговли. Внешняя торговля, развиваясь, создаёт торговлю внутреннюю, купцы способствуют выделению группы ремесленников и образованию торгово-ремесленного посада. Посады требуют политического объединения.

Автор не упускает и политического фактора. Ссылаясь на известное место в работе И. В. Сталина, он упоминает о давлении внешней опасности. Он говорит об интересах землевладельцев, не отмечая, каких. «Новая экономическая обстановка, — заявляет он, — отразилась и на состоянии сельского хозяйства. Развитие трёхполья привело к уравниванию полей и к утверждению правильного севооборота», что «значительно поднимало производительность труда в сельском хозяйстве»¹. Но все эти факторы стоят на втором месте после развития обмена, а развитие трёхполья прямо отнесено в разряд следствий «новой экономической обстановки».

Новейшей книгой, в которой поставлен вопрос об образовании Русского национального государства, является труд проф. И. И. Смирнова «Иван Грозный», вышедший в Ленинграде в 1944 году. Автор считает периодом возникновения и формирования «национального государства, пришедшего на смену феодальной раздробленности удельных времён», XV—XVI вв., укорачивая таким образом процесс в начале и удлиняя в конце. «Материальной основой процесса ликвидации феодальной раздробленности и создания национального централизованного государства», по мнению автора, «являлось постепенное преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель и установление рыночных связей между ними»², т. е. торговля. Причин развития торговли автор не указывает. В подтверждение своих выводов автор ссылается на Ленина. Эта ссылка у автора более уместна, чем у иных авторов, поскольку он считает XVI в. периодом образования Русского национального государства, но она не объясняет причин возникновения Русского национального государства.

Ценной является новая мысль автора о глубоком изменении положения господствующего класса феодалов-землевладельцев в связи с образованием национального государства. Внутри этого класса формируется мощный слой помещиков-дворян, которые меняют свою дворовую службу на военное дело под знамёнами великого князя³. При поддержке этого нового элемента великие князья опрокидывают аристократический строй раннего средневековья. Но самое это явление автор оставляет без объяснений, как и причины развития внешней и внутренней торговли. Тема не обязывала автора разрешать эти вопросы, но если автор считает XVI столетие временем формирования национального государства, то желательно было бы более отчётливо выяснить этот процесс и показать его в целом.

В том же, 1944 г. появилась статья проф. М. Н. Тихомирова «Начало возвышения Москвы». Автор собрал в ней известия и предания о Москве XII—XIV вв., но в теоретической части ограничился перестановкой высказанных ранее положений о причинах возвышения. Он отмечает следующие причины возвышения Москвы: рост населения, благоприятное географическое положение, особые таланты и приёмы деятельности московских князей, ведущую силу Москвы в деле объединения Руси (политический фактор). Автор говорит: «Значение всех этих факторов не приходится отвергать или преуменьшать», но вместе с тем он считает, что каждый из названных факторов мог сделаться ведущим только в определённое время и в определённых условиях. Перебирая затем исторические изве-

¹ «Курс истории СССР», стр. 13. Изд. 1940 года.

² Смирнов И. «Иван Грозный», стр. 8. Л. 1944.

³ См. Смирнов И. Указ. соч., стр. 12—15.

стия, автор утверждает, что только во второй половине XIII и в XIV в. Москва стала занимать среди удельных княжеств центральное место. Причиной этого было оживление древнего Волжского пути, которое происходило одновременно с нашествием монголов. Параллельно оживлялся и торговый путь на запад. Таким образом, со второй половины XIII столетия появляется ещё один фактор, способствующий возвышению Москвы, — внешняя торговля.

Однако Москва как торговый пункт не обладала преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь. И если она превзошла их, то только потому, что она находилась в центре складывавшейся великорусской народности, на периферии которой были расположены остальные торговые города: Тверь, Нижний, Переяславль Залесский и Смоленск.

Москва была центром «наиболее густо населённой части северной Руси в том виде, в каком русский народ расселился в XIII—XIV вв.» Поэтому митрополиты перенесли свою резиденцию в Москву, здесь оживились ремёсла и торговля. Однако решающим фактором возвышения Москвы было её центральное положение на этнографической территории складывавшейся великорусской нации. «Линия Москвы-реки служила границей поселений вятичей и кривичей, и даже теперь акающие и окающие говоры великорусского языка точно так же сталкиваются у Москвы», — напоминает автор. «Центральное географическое и этнографическое положение Москвы в XIV в. дало ей превосходство перед другими городами и утвердило за ней положение центра образующейся русской народности. Это значение ведущего города, столицы русского народа, Москва с честью поддержала уже в XIV в., возглавив борьбу русского народа за независимость против татарского ига»¹.

Новым и ценным в статье М. Н. Тихомирова надо считать стремление упростить современные многопричинные объяснения процесса образования Русского государства и свести десятки причин и условий к некоторому единству. Однако выдвижение в качестве руководящего фактора принципа этнографического или национального мы считаем неудачным. Принцип этот выдвинул ещё В. О. Ключевским и затем Н. А. Рожковым, но и тот и другой отводили ему только третье место в ряду других причин возвышения Москвы. Особое подчёркивание национального момента понятно в условиях военного творчества. Однако превращать его в основной двигатель истории не следует. Такая концепция даже для одного XIV в. всё же сближала бы нас с концепциями псевдонаучными. Нация как «устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющей себя в общности культуры»², является сложной надстройкой определённой эпохи и сама по себе не может влиять на размеры городов и их политическое значение. Акаль и окаль можно одинаково и в малых и в больших городах, и лингвистическое сближение акающих и окающих говоров также не может оказать никакого влияния на рост городов. Точно так же установление территориального, экономического или психического единства населения не влияет на формы его поселения. Количество слагаемых здесь переходит в качество только в смысле возникновения нации, но не наделяет последнюю свойствами, характерными для производственного фактора. Кроме того непонятно, почему центральное положение на этнографической территории образующейся нации непременно лучше положения на её окраине и должно повлечь за собой экономическое и политическое преобладание? История русских стольных городов не даёт оснований для таких выводов.

В современной исторической литературе по вопросу об образовании

¹ Тихомиров М. «Начало возвышения Москвы». «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». Т. I, № 3. М. 1944.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6.

Русского государства до сего времени отсутствует такая концепция этой проблемы, которая отвечала бы и полноте собранных фактов и современным методологическим представлениям о природе исторического процесса. Несмотря на значительный и понятный интерес к проблеме происхождения Русского национального государства, попытки её разрешения не увенчались успехом, и мы обходимся кое-как подправленными устаревшими представлениями учёных XIX столетия.

В самом деле, как можно в настоящее время утверждать в качестве основного, ведущего фактора концентрации феодального государства выгодное географическое положение? Известно, что географический фактор «не может служить главной причиной, определяющей причиной общественного развития, ибо то, что остаётся почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет». Приток переселенцев и увеличение плотности населения Московского княжества, которому придаётся важное значение, также «не является и не может являться главной силой развития общества, определяющей характер общественного строя, физиономию общества»¹.

Развитие внешней и внутренней торговли, на которое делается основной упор в большинстве трудов как XIX столетия, так и современных, также не может рассматриваться в качестве фактора созидательного, движущего вперёд общественное развитие.

Ещё К. Маркс отметил: «Где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения... самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»². Развитие торговли могло консервировать те формы феодальной раздробленности, среди которых она развивалась, могло разрушить их, но оно не могло повлиять на создание новых форм общественного быта, потому что последние зависят не от обмена, а от формы общественного производства. Поэтому Маркс относил к ошибочным взглядам утверждение, «что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперёд развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический»³.

Хорошей иллюстрацией к словам Маркса является развитие Великого Новгорода. В XII—XV вв. он являлся наиболее оживлённым торговым центром в русской земле; там существовала экономически и политически сильная прослойка купечества. Если бы торговля являлась определяющим фактором исторического развития, которое ей приписывают, то не Москва, а Великий Новгород стал бы центром общерусского объединения. Однако этого не произошло. Как раз в силу развития торговли Великий Новгород остановился в своём экономическом, социальном и политическом развитии и затем, в качестве наиболее отсталого обломка киевской старины, первым пал жертвой объединительной политики московских князей.

Решающим фактором в развитии общества является не географическое положение и не торговля, не переселенцы и не политическая обстановка, а в первую очередь развитие производительных сил, проявляющееся обычно в изменении техники производства ведущей отрасли народного хозяйства. «Одна из особенностей производства состоит в том, — говорит товарищ Сталин, — что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причём изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических

¹ «История ВКП(б). Краткий курс». Гл. IV, стр. 113, 114.

² К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 229. М. 1932.

³ Там же, стр. 233.

взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада». А начинаются изменения в производстве всегда «с изменений и развития орудий производства»¹.

И так как образование Русского национального государства было для своего времени крупным изменением всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, то в основании его также должно было лежать какое-то серьёзное изменение в ведущей отрасли современного хозяйства и порождённое им такое развитие производительных сил, которое соответствовало бы глущине происшедшего общественно-политического сдвига.

С этой точки зрения мы и попытаемся предложить решение проблемы об условиях, причинах и процессе образования Русского национального государства.

III.

XIV век был первым относительно мирным столетием после татарского вторжения. Отдельные набеги татар ещё повторялись, но становились реже и теряли свою сокрушительную силу. Медленно зарастали неслыханные раны, нанесённые стране, в которой и потом, в течение двух столетий, разрушались города и селения, много было перебито или угнано в рабство населения. «Монголы, — говорит Маркс, — при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»².

Ещё в 1274 г. на церковном соборе во Владимире митрополит Кирилл говорил, мысленно обозревая русскую землю: «Не рассея ли ны Бог по лицу всея земли? Не взяты ли быша гради наши? Не падоша ли силнии наши князи острием меча? Не поведены ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя Божия церкви? Не томимы ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?»³.

Но постепенно уходили с жизненной арены те, кто был свидетелем кровавого кошмара первого нашествия или знал о нём по рассказам. Нарождались новые поколения. Им приходилось затаить мысль об освобождении и налаживать разорённое и заброшенное хозяйство, в первую очередь сельское, крестьянское хозяйство. Уцелевший от татарского погрома Новгород и весь лесной север остро нуждались в хлебе, который перестал поступать сюда из разорённого и опустевшего Поднепровья⁴. Обширные половецкие степи и прилегающие южные русские княжества обезлюдели. Степняки «умерли с голода и пожраны оставшимися в живых», как отметил проезжавший здесь в 1253 г. Рубруквис. Новые тюркские орды, пришедшие с монголами, не занимались земледелием и сами нуждались в хлебе. У них было много скота, но нередки и сами они и их скот вымирал от бескормицы. Было мясо, но оно ещё не продавалось и не покупалось в степях в первой половине XIV века. Только по окраинам степей, в предгорьях Кавказа и Крыма, да в городах сохранились «остатки того, что погибло из насаждённого»⁵.

Современник хана Узбека и московского князя Ивана Калиты араб Эломари сообщает о татарах Золотой Орды: «Посевов у них мало и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса, и им они и питаются по части произведённой земли...» Ослиная ноша весом в 100 ритлей (русских фунтов) пшеницы

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 115—116, 117.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 188.

³ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. VI, № 6.

⁴ См. Костомаров Н. «Севернорусские народоправства». Т. II, стр. 221. СПб. 1863.

⁵ Эломари при хане Узбеке; Тизенгаузен В. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I, стр. 230—231, 233—234; Элайни Там же, стр. 513.

продавалась в Сарае в первой половине XIV столетия по 2½ динара; по такой же цене шла чечевица. Ячмень и просо стоили 2 динара¹.

В переводе на русские деньги пуд пшеницы при Иване Калите стоил в Сарае около 30 копеек, а пуд проса и ячменя — около 23 копеек в современной серебряной валюте². Русская кадь, или оков, пшеницы или чечевицы, вмещавшая 14 пудов, стоила, таким образом, на Нижней Волге, в Сарае, и в Хорезме, при Калите около 4 р. 20 к., а кадь ячменя или проса — около 3 р. 20 к.

Если хлеб всегда играл роль основной ценности в земледельческой Руси, то в тяжёлое время после татарского погрома спрос на него усилился и на севере и на юге Восточной Европы. Особенно важную роль хлеб стал играть в центральных областях, где князья боролись за великокняжеское достоинство и должны были выплачивать тяжёлую татарскую дань.

Повидимому, ещё Александру Невскому во время его последней поездки в Орду удалось добиться у татар такой автономии, какой татары более никогда и никому не давали. Не откупщики или баскаки, а сами русские князья стали собирать татарский выход и через великих князей отвозить его в Орду³. Эта автономия могла стать и стала орудием будущего освобождения от татарского ига. Но для борьбы за свободу нужны были средства и силы.

Каким же образом могли найти русские князья эти средства в XIV столетии? Какими путями могли собрать серебро в разорённых городах и волостях у поредевшего и обнищавшего населения? Что обращали они в «саумы», слитки серебра, которые отвозили ежегодно в Орду?

Современники по-разному отвечали на этот вопрос. Побывавший в Золотой Орде при хане Узбеке и Иване Калите учёный араб Ибн Батута утверждал, например, что русские добывали серебро из рудников, которые якобы были в их земле. «У них, — говорит он, — серебряные рудники, и из страны их привозятся саумы, т. е. серебряные слитки, на которые продаётся и покупается (товар) в этом крае. Вес такой саумы пять унций» (около 155 граммов)⁴.

В настоящее время мы могли бы заверить учёного араба, что никаких серебряных рудников у великого князя Ивана Даниловича Калиты не было. Но каким же иным путём он ежегодно собирал татарский выход, на это согласного ответа нет до настоящего времени.

Трудно допустить, чтобы где-то на Руси могли сохраниться накопленные запасы серебра, не замеченные и не ограбленные татарами в XIII веке. Если такие запасы были в Новгороде Великом, куда не дошли татары, то за них нужно было чем-то платить низовым великим князьям. Чем же именно? Опыт первого великого князя «всея Руси, Михаила Ярославича Тверского, пытавшегося разрешить эту задачу путём захвата чужих городов и нажима на Великий Новгород, хотя и находил последователей, но в общем безнадежно провалился: великий князь погиб, а его преемников вскоре заменили князья московские. Овладение Печорским краем, где Иван Калита держал своего пошлинника и великокняжеских сокольников, также не могло разрешить задачи. Между тем именно великий князь московский и владимирский Иван Калита уплачивал дань акуратно и даже богател, снискав славу самого богатого князя:

¹ Эломари. Указ. соч. Т. I, стр. 230—231, 242.

² См. Бартольд В. «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче», стр. 17—19; Якубовский А. «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», стр. 22. «Известия ГАИМК». Т. VIII, Вып. II—III. СПб. 1931.

³ Размеры дани менялись. В 1410 г. с великого княжения Владимирского шло по 5 тыс. руб. в год, в 1434 г. — по 7 тыс. рублей. В 1476 г. хан Ахмат требовал по 60 тыс. алтын весной и осенью, т. е. по 3600 руб., возможно, это была половина взноса. Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. I, №№ 40 и 51; Иконников В. «Опыт русской историографии». Кн. 2-я, стр. 1063. Киев. 1908.

⁴ Тизенгаузен В. «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I, стр. 303.

Утверждение, что Калита разбогател «в результате тех торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь расположением Москвы в узле торговых дорог», ни на чём не основано¹.

Наивной нам кажется также мысль, что Иван Калита мог использовать «остатки от выходов, сбор которых предоставлен был в его руки». Существовали ли такие остатки при раскладке выхода между князьями, которые записывались в духовные и договорные грамоты, и была ли возможность «всецело воспользоваться» ими, не рискуя ни доносом, ни ханским гневом, т. е. головой, — это большой вопрос. Не более убедительно предположение, будто Калита или его преемники могли обчислять в Орде хана и своего даругу, как обчисляли они якобы удельных князей².

Но если Калита всё же выплачивал выход и при этом находил ещё возможным ссужать других князей и приобретать у них города, то, очевидно, он нашёл такой источник, который был не менее обилен и надёжен, нежели серебряные рудники, и при пользовании которым он не рисковал ни своей жизнью, ни великим княжением. Таким источником в первой половине XIV столетия могло быть только крестьянское хозяйство и производимый им хлеб. Крестьян и татары считали основным источником покрытия своей дани.

Ещё в XIII столетии, произведя первую перепись населения Руси, татары в основание переписи в качестве окладной единицы положили соху, т. е. крестьянское хозяйство. В 1275 г. великий князь Василий Ярославич отвёз в Орду «дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работники». Оказалось, что в ханской канцелярии знали не только количество сох, но и следили за ростом населения. «И хан рече: ясак мал естъ, а люди многи в земле твоей, почто не от всех даещи?» Когда же князь «отымался числом баскаков прежних», то хан Менгу Темир «повеле послати новы численники во всю землю русскую с великими грозы, да не утаят люди»³. С двух сох по рублю серебра собирал Василий I ещё в начале XV века⁴.

Таким образом, прилив переселенцев, которому придавалось столь большое значение при объяснении усиления Московского княжества, приводил к увеличению дани и не мог быть источником средств для великого князя. Последнему при поисках выхода приходилось думать не только о количестве, а прежде всего о качестве имеющихся у него «сох», о производительности крестьянского хозяйства, потому что только таким путём возможно было увеличить его доходность, привлечь серебро и удовлетворить алчность ханов.

Способы улучшения хозяйства и увеличения его производительности в XIV столетии не могли быть тайной. Ещё в XII в. в Киевской Руси были известны плуг и борона, применявшиеся в крупных хозяйствах, в которых работали «закупы»⁵. Трудно сказать, применялся ли тогда плуг в Новгородской области, но в 1456 г. по грамоте на чёрный бор он здесь был в Новоторжских волостях и считался вдвое производительнее сохи в 3 лошади⁶. Ещё труднее сказать это о лесном Суздальском крае. Но если даже что-либо подобное было, то после татарского нашествия при общем

¹ «История СССР». Т. I, стр. 227.

² См. Иловайский Д. «История России». Т. II, стр. 25; Иконников В. Указ. соч., стр. 1033.

³ Татищев В. «История Российская». Т. IV, стр. 47. В издании вместо «грозы» ошибочно «грады».

⁴ «Полное собрание русских летописей», VIII, 84.

⁵ «Русская Правда». Карамзинский список, ст. 71.

⁶ Трудно согласиться с акад. Б. Д. Грековым, будто бы в Новгородской области в XII в. применялся трёхпольный севооборот. Упоминание в Новгородской летописи пзд 1127 г. «озимища» и ярового свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трёхполье, ни о двухполье это не говорит. Греков Б. «Борьба Руси за создание своего государства», стр. 45. Ташкент. 1942; Грамота на чёрный бор 1456—62 гг. Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. I, № 32.

снижении культурного уровня высшие формы хозяйственной техники могли исчезнуть. Упоминаний о них в актовом материале XII—XIII столетий во всяком случае нет, и сельское хозяйство русского междуречья представляется на уровне подсечного огневого хозяйства.

Однако, несомненно, были сведущие люди, знакомые с иными приемами полеводства, которые могли научить, каким образом повысить производительность сельского хозяйства, не увеличивая количества крестьянских «сох» и даже не расширяя запашки. Такие люди могли быть и среди местного населения, согнанного со своих мест и теперь оседавшего в уделах Северовосточной Руси, и среди выходцев из Югозападной Руси, откуда родом был митрополит Пётр, или даже из Греции, откуда прибыли митрополит Феогност и его спутники.

Когда в 1328 г. великим князем сделался московский князь Иван Данилович Калита, перед ним стояла трудная задача установления в стране мира внешнего и внутреннего, что было первым условием развития хозяйства. Девять раз за время своего управления ездил Калита в Орду, и ему удалось добиться мира с татарами. «Седе на великое княжение Иван Данилович, и бысть тишина христианом на многа лета, и престаша татарове воевати Русскую землю». Этот мир был использован Калитой для восстановления разрушенных нашествием правовых отношений и устройства суда.

Современная Калите запись на книге «Евангельских чтений», написанной в Москве в 1339 г., содержит такую оценку внутренней деятельности князя: «О сем князе великом Иване пророк Езекий глаголетъ: в последнее время в апустевшей земли на запад встанеть царь, правду любяй, суд не по мзде судяй, ни в полошение поганым странам. При сем будеть тишина велья в Русской земли и воссияеть в дни его правда, якоже и бысть при его царстве... О сем бо псалмопевец глаголетъ: постави, Господи, законодавца над нами, да разумеють языци, яко человеци суть. То же рече: Боже, суд цареви дай же (и) правду сынови цареви. Си бо князь великой Иван имевше правый суд паче меры, поминая божественная исправления святых и преподобных отец по правилу номокануйнымъ, ревнуя правоверному царю Устиниану». Сохранилось известие, что великий князь Иван Данилович часто «взирал вместе с отцами своими митрополитами (Петром и Феогностом) в греческий номоканон» или «Кормчую книгу».

Плодом этих занятий было появление в Москве по крайней мере двух важных законодательных памятников, которые, повидимому, оба имели практическое значение для современной жизни и могли дать основание современникам сравнивать Калиту с византийским императором Юстинианом, прославившим своё имя составлением и обнародованием свода законов Римской империи. Это, во-первых, «Ряд и суд церковный, установленный первыми князьями», который представляет новую обработку церковных законов старых русских князей Владимира и Ярослава. На одном из списков этого «Ряда» имеется приписка, очевидно, современника: «Дай Бог и на многа лета великому князю Ивану Даниловичу всеа Руси». Во-вторых, это произведённая в XIV столетии, при Иване Калите, русская переделка—перевод византийского юридического памятника VII—VIII столетий «Книги законные, иже годится всякое дело исправляти всем православленным князем», приспособленного к русской действительности XIV века.

Если новым изданием церковных законов Владимира и Ярослава Иван Калита устраивал церковные дела и подтверждал церковные привилегии в связи с переходом митрополичьего дома из Владимира в Москву, то во втором памятнике, в «Книгах законных», и особенно в первом его разделе — в «Земледельческом уставе»—князь стремился укрепить право-

¹ Срезневский «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» № 86 в приложении к т. 34 «Записок Академии наук», стр. 145—146; Павлов А. «Книги законные», стр. 35. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук». Т. 38, № 3. СПб. 1885.

вой порядок и дать судьям в руки твёрдые и авторитетные нормы для восстановления правовых начал, особенно в области поземельных отношений. Разумеется, в переводе и обработке обоих памятников митрополиты и их митрополичий дом должны были сыграть важную и даже первенствующую роль. Но и великий князь Иван Калита, взиравший вместе с ними в номоканон, имел прямое и непосредственное отношение к этому законодательству. Только поэтому он мог снискать у современников лестное сравнение с греческим императором VI столетия и также хвалу за установление правосудия и истребление разбойников и насильников, которых много развелось во времена татарского лихолетья. Первая Новгородская летопись по синодальному списку сообщает о Калите: «Даниил рода Ивана, иже исправи Руськую землю от татей и от разбойников»¹.

Интересным бытовым памятником установления правосудия в Русской земле является перстень XIV столетия с изображением на нём суда царя Соломона как олицетворения мудрого и нелицеприятного судьи². Он мог принадлежать если не самому великому князю, то одному из современников его, осуществлявшему новое правосудие. «Современники, — говорит В. С. Иконников, — хвалят Ивана Калиту за установление порядка, правого суда, определение границ церковного и светского суда (новая редакция уставов Владимира и Ярослава) и земского чина, выразившегося в распространении «Земледельческого устава», подписанного именем Юстиниана, который с особенной настойчивостью преследует именно татей в крестьянской общине за посягательство на разные виды собственности». Какое значение могли иметь простая справедливость и «суд не по мзде» в глухое и опасное время, в особенности в деле охраны крестьянских прав и собственности, можно судить по следующему рассказу о герцоге Роллоне, основателе французской Нормандии (911 г.): «Когда Роллон поделил шнуром землю между своими дружинниками и повесил воров, а с ними вместе и их пристанодержателей, тогда к нему стал сходиться народ из всех земель. Безопасность, доброе и «неумолимое» правосудие казались такой редкостью, что достаточно было этого одного для нового заселения края»³.

Что было верно для Франции X в. при основании нормандского герцогства, оставалось правильным и для Северовосточной Руси XIV в. при возникновении великого Московского государства. Не торговые пути и выгодные рубежи привлекали переселенцев и заставляли их осаживаться здесь, а мир и охрана от татей и насильников разного рода, которую давал суд великого князя Калиты, «суд паче меры» русского права, который открывал возможность мирного труда.

Земледельческий устав, которым открываются «Книги законные» Ивана Калиты, является земско-полицейским и уголовным уложением, преследующим всякого рода нарушения права собственности и договоров среди землевладельцев и земледельцев. «Достоить земледельцу, делающую свою ниву, быти праведну и не восхищати бразду ближнего своего», — говорится в первой быти статье земледельческого устава. «Осподарь-земледелец защищён от нарушения договоров со стороны «земледельца»-крестьянина, но и права последнего охранены хотя бы при помощи моральных сентенций: «Сеявшему девять снопов, а имеющему землю десятый сноп; аще ли кто инако разделит, Богомь проклят будет» (ст. 9).

Земледельческий устав, как и вся редакция «Книг законных», по выводу известного канониста А. Павлова, издавшего этот памятник, отно-

¹ «Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», стр. 431. СПб. 1888.

² См. «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских присутственных мест и частных лиц». Вып. I, л. 114. Изд. Комиссии печатания Государственных грамот и договоров. М. 1880.

³ Иконников В. Указ. соч. Т. II, стр. 1063; ср. «Общая история европейской культуры». Т. VII. — «История Франции в раннее средневековье», стр. 527. СПб. 1913.

сится, несомненно, ко времени Ивана Калиты и отражает русские порядки первой половины XIV столетия... «Язык памятника значительно подновлён», — говорит автор, — и эти подновления принадлежат XIV веку. Они «сделаны, конечно, с той целью, чтобы облегчить понимание и практическое применение византийского устава, как действующего русского закона». Самый устав близко подходил к русской действительности уже потому, что он возник в VII—VIII вв., когда Византийская империя была затоплена славянскими переселенцами, на что указывали ещё Сахарие и акад. В. Г. Василевский. А. Павлов полагает, что в переделке XIV в. устав «весьма близко подходил к быту русского крестьянства до эпохи его окончательного прикрепления к земле». В нём мы встречаем «и ролейных смердов Русской Правды (впоследствии получивших название чёрных и численных людей, т. е. свободных крестьян, сидевших на тяглых общественных землях) и, с другой стороны, ролейных закупов (позднейших сирот, серебреников, изорников, половников, вообще крестьян, живших на вотчинных землях крупных землевладельцев, с правом свободного перехода)». По выводу учёного, русская переделка Земледельческого устава, как и вообще «Книги законные ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем», могли играть при Калите и его преемниках роль практического руководства на суде, при помощи которого великий князь «исправил русскую землю от татей»¹.

В связи с этим особенно интересны те статьи Земледельческого устава, которые дают представление о технике современного сельского хозяйства, учитывая, что оно было основным, ведущим и решающим видом народного хозяйства раннефеодального периода.

Статья 66-я говорит об ответственности земледельца за пожар чужих нив и насаждений при сжигании «остернище своя нивы». Статья 21-я предвидит возможность покражи во время пахоты «ральных желез», т. е. железных наконечников, сошников, рабочей части рала или сохи; она же считает возможным похищение лыскаря, т. е. заступа, или мотыги, которые вместе с ралом являлись основным орудием при обработке земли в условиях подсечной переложной системы. Во время жнитва могли похитить серп, во время косовицы — косу... Но особенно интересной является статья 59-я, в которой наряду с ралом упоминается лемеш, которым пахут также в конной упряжке, как и ралом: «Аще кто украдет рало, или лемеш или подзу (упряжь), казнен будет по числу дней от того дни отнедиже украде, на всяк день по грошеви, а лицо отдасть».

Рало является наиболее первобытным орудием упряжной пахоты. Это или бревно с опущенным в землю сучком, на который надевается «ральное железо», т. е. железный наконечник, или простая соха-черкуша. Лемеш, или лемех, — орудие плужного типа; соха-косуля, иначе «чертёж», курашимка являются вариантами этого орудия. Исследователь истории русской сохи Дмитрий Зеленин говорит, что «по отношению к косуле народ не употребляет большей частью названий ральник, омель, а тем более сошник, а исключительно лемех»². Этот лемех, или лемеш, — русская форма плуга лесной полосы, впервые упоминается в Земледельческом уставе великого князя Ивана Калиты.

Разница между ралом, или сохой-черкушей, и сохой-косулей, или лемешем, очень большая. Соха, даже двузубая или трёхзубая, какая изображена на миниатюре в Житии Сергея Радонежского XV в., только вскрывает земельный пласт, бросая россыпь на обе стороны борозды. Соха-косуля, или лемеш, подрезает и переворачивает пласт земли, как это делает каждый плуг; соха-косуля — это русский плуг, приспособленный для распушки северных лесных рощиц, на которых остаётся много корней. От обыкновенного плуга лемеш, или косуля, отличается тем, что не имеет колёс и полоза, которые удерживают орудие от погружения

¹ Павлов А. «Книги законные», стр. 28, 31, 37.

² Зеленин Д. «Русская соха Её история и виды», стр. 69. Вятка. 1907.

в землю: косулю, как и соху, надо поддерживать руками, но зато её легко перебрасывать через крепкие корни.

Появление лемеша или косули в хозяйственном инвентаре Северовосточной Руси XIV в. означало переход сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития, который привёл к резкому повышению производительности в области ведущей отрасли феодального хозяйства — сельскохозяйственного труда. «Их появление, — говорит П. Н. Третьяков, — связано с новым видом земледелия — двухполкой и трёхполкой, — где при наличии унаваживания и стали необходимы орудия, отваливающие пласт земли»¹.

Мы пока не можем точно датировать ни появления, ни распространения новой земледельческой техники по отдельным областям. Но упоминание лемеша, рабочей части русского плуга, в законодательстве Ивана Калиты даёт основание утверждать, что здесь, в центре Северовосточной Руси, в Московском княжестве, уже в первой половине XIV в. совершается переход от подсечной переложной системы хлебопашества к системе паровой зерновой с трёхпольным севооборотом, которая окончательно восторжествовала в Московском государстве в XV—XVI веках.

Ещё проф. В. И. Сергеевич отметил ряд указаний на существование трёхпольного севооборота в Московской и прилегающих центральных областях Северовосточной Руси в самом начале XV века. Например в подмосковном селе Бисеровском, принадлежавшем сначала великому князю, а затем митрополиту Фотию (1409—1431), уже в первой трети XV в. пустошь Попкова именуется «искони трети полем села Бисеровского»². Под 1462 г. митрополит Феодосий жалует игумена Михайловского монастыря в Суздальском уезде пахать землю «и с нынешнею парениною». В грамоте великого князя Василия III на Белоозере от 1512 г. также говорится о трёх полях³. Следовательно, в Московском великом княжении с XIV в. и в течение XV в. широко распространилась новая форма полеводства, связанная с применением орудий плужного типа.

Новая техника в XV в. распространялась и на ближайших окраинах страны, за пределами собственно Московской области. Не только в Белоозере, принадлежавшем Москве, но и в соседних с Тверью новоторжских волостях Великого Новгорода с половины XV в. имеются упоминания плуга и даже русской его формы — лемеша. В известной грамоте на чёрный бор 1456—1462 гг. великий князь Московский собирает с новоторжцев по новой гривне с сохи, а в сохе две лошади, да третья в припряж. При этом плуг, как и лодья и црен, приравниваются к двум сохам или к 8 пешим работникам. Следовательно, наравне с сохой применялись и плуги в качестве дополнительного орудия. В первых шести томах новгородских писцовых книг конца XV и начала XVI столетия мы встречаем 7 названий деревень, производных от слова «соха». В то же время три деревни носят названия, производные от слова «плуг»: Плугино, Плуженково, Плуженница, и одна называется Лемеш. Все последние названия относятся к юговосточной, прилегающей к центральным областям страны, Деревской пятине 1495 года. Можно предполагать поэтому, что центром, откуда шло распространение плужных орудий и новой сельскохозяйственной техники, в это время были центральные области страны: Московское и, вероятно, Тверское княжества⁴.

Проф. В. И. Сергеевич утверждает, что в новгородских писцовых книгах он не встретил указаний на три поля, в то время как в московских писцовых книгах это дело обыкновенное⁵, добавим, едва ли даже не обя-

¹ Третьяков П. «Подсечное земледелие в Восточной Европе», стр. 31. «Известия ГАИМК». Т. XIV. Вып. I за 1932 год.

² Акты до юридического быта относящиеся. Т. I, № 103.

³ ААЭ. Т. I, № 155.

⁴ Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Петроград. 1915.

⁵ Сергеевич В. «Древности русского права». Т. III, стр. 90. Примечание 2.

зательное. Каждый отвод земли, исходящий от московского правительства, в центральных уездах производится, как правило, исходя из предположения о существующем трёхполье или об обязательном его введении. Земля помещикам отводится и записывается в писцовые книги после измерения в одном поле стольких-то четей, «а в дву потомуж». Московские правительственные земельные акты XV—XVI вв. можно поэтому рассматривать как своеобразную, широко поставленную великокняжеской властью пропаганду новой сельскохозяйственной техники.

С этой стороны особенно интересны древнейшие и несохранившиеся писцовые книги Ивана III различных уездов 1462—1505 гг., существенным содержанием которых было введение московского сошного письма, основанного на измерении земли в трёх полях. Писцовые книги бывшего Тверского княжества 1492 г., по известию Воскресенской летописи, были составлены, как, впрочем, и все остальные, с целью введения этого Московского сошного письма. «Того же лета князь великий Иван Васильевич послал Тверские земли писати по Московски в сохи: а писал Тверь кн. Фёдор Алабышъ, а Старицу писал Борис Кутузов, а Зубцово да Опоки Дмитрий Пешков, а Клин Пётр Лобан Заболоцкой, Холм и Новый Городок Андрей Карамышев, а Кашин — Василий Карамышев»¹.

Особенно важное значение эта пропаганда сверху могла иметь при отводах государственных земель мелким помещикам, бывшим послужильцам и холопам разорённых удельных и боярских дворов, которые при великом князе Иване III массами обращались в государевых детей боярских и дворян. Для последних отвод поместной земли в трёх полях мог быть связан с обязательством вести своё новое хозяйство не иначе, как по новой трёхпольной системе.

Н. А. Рожков установил, что «большая часть Московского государства в XVI в. пережила уже первобытную огневую, или подсечную, систему, которая сохранялась лишь на севере и то в таких местах, которые ещё только что заселялись в это время, вдаль от больших водных путей, в глухих лесных дебрях. В центральной области и в западном Полесье уже в первой половине XVI в. господствовала паровая зерновая система земледелия. Это видно из так называемых писцовых книг — документов, которые можно считать историческими предшественниками современных статистических сборников». Автор доказывает эту мысль примерами из писцовых книг Тверского уезда 1540 и 1548 гг., которые свидетельствуют о вполне развитой и установившейся паровой зерновой системе с трёхпольным севооборотом, а также множеством данных по иным уездам центральной области².

Начало вытеснения подсечной системы земледелия системой паровой зерновой с трёхпольным севооборотом, с применением орудий плужного типа и уваживания полей, для центральной области Междуречья в послетатарскую эпоху мы можем на основании Земледельческого устава Ивана Калиты отнести к первой половине XIV века.

Процесс технического прогресса в условиях раннефеодального хозяйства, которое велось крестьянским инвентарём, следует считать скорее стихийным и самопроизвольным, нежели идущим сверху, по инициативе князя или церкви, хотя не исключено и последнее.

Неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев, поскольку между теми и другими делился урожай. Но при этом мы решительно отвергаем утверждение В. О. Ключевского, Сергеевича и Рожкова об аполитичном, бессознательном стяжа-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII, стр. 223. СПб. 1859. Ср. Милюков П. «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», стр. 158. СПб. 1892.

² Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени», стр. 51—52. Исторические и социологические очерки. Ч. 1-я. М. 1906.

тельстве московских князей XIV века. Самый момент изобретения русского плуга, вероятная внутренняя связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татарских платежей, потому что неуплата дани влекла для одних рабство, а для других — потерю княжеского стола, исключает бессознательное скопидомство Ивана Калиты и его преемников.

Достаточным опровержением этой идеи является существование русской политической литературы в XIV—XV вв., а также тот факт, что московские князья титуловали себя великими князьями «всёя Руси» именно с XIV века. Эти факты говорят о наличии настойчивой мысли у князей, духовенства и даже простого народа о борьбе против татар, о свержении татарского ига, о будущем свободном русском царстве. «В течение всего XIV и XV вв. для всех русских людей прекращение татарской зависимости и крепкое противоборство татарам были заветным желанием национального самосознания древней Руси»¹.

«Свеча, зажжённая Калитой, не гасла, а разгоралась ярким пламенем при его сыновьях, внуках, правнуках и праправнуках»², — справедливо говорит по этому поводу П. Н. Милюков. В духовных и договорных грамотах, начиная с Дмитрия Донского, постоянно повторяется одно желание: «А переменит Бог орду», «А Бог даст орду переменит»³. Очевидной натяжкой было бы относить эти повторения к области бессознательного.

Переход от подсечной огневой системы сельского хозяйства к паровой зерновой был крупным шагом вперёд, скачком в ведущей отрасли феодального хозяйства. Он привёл к резкому повышению производительных сил всего современного общества.

Как было отмечено, грамота на чёрный бор в Новоторжской области 1456—62 гг. считает, что производительность хозяйства, применяющего плуг, вдвое выше такого же хозяйства, применяющего соху: плуг при обложении принимается за две сохи. Но можно думать, что эта новгородская норма была далеко не предельной. Как весьма убедительно доказывает в своём исследовании П. Н. Третьяков, паровая зерновая система при трёхпольном севообороте увеличивает производительность площади, обрабатываемой подсечной системой, в среднем в 10—15 раз. Несмотря на баснословные урожаи лесных новых и огнищ, которые достигают от сам-25 до сам-80, «подсечная система с её техникой является наиболее хищнической и нерациональной формой земледелия, при которой для получения высокого урожая первых трёх лет губятся лесные участки, восстанавливающиеся лишь через многие десятилетия»⁴.

Введение и распространение паровой зерновой системы сокращало в 10—15 раз земельную площадь, требуемую для производства хлеба в прежнем количестве, или во столько же раз поднимало производительность каждой данной площади, переводимой с подсечной на паровую зерновую систему с трёхпольным севооборотом. Без присоединения новых земель и без расширения запашки во столько же раз подымалась ёмкость территории Московского княжества, открывавшейся для переселенцев не благодаря посредническому участию в транзитной торговле, а благодаря росту производства хлеба. Росла и торговля, как внешняя, так и внутренняя, но не благодаря выгодному географическому положению на торговых дорогах, а потому, что появился избыточный товарный хлеб, и в Москве всегда было чем торговать и что продавать.

¹ Лихачёв Д. «Национальное самосознание древней Руси», стр. 101. Изд. АН СССР. М. и Л. 1945.

² Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 3-я. Вып. I, стр. 28. СПб. 1901.

³ СГГИД. Т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89; 92; 98; 101; 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 158, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 205, 229; Лихачёв Д. Указ. соч., стр. 101, примечание 2.

⁴ Третьяков П. «Подсечное земледелие в Восточной Европе», стр. 18. «Известия ГАИМК». Т. XIV. Вып. I за 1932 год.

Переход к паровой зерновой системе с трёхпольным севооборотом, резко повышая производительные силы феодального хозяйства, создавал целый переворот как в экономике, так и в социальных отношениях центральных областей государства; он неудержимо влѣк за собою также глубокие изменения в политической системе страны. И если правильно, что это движение началось уже со времени Ивана Калиты, то позволительно думать, что свою славу самого богатого князя и прозвище «Калиты» (денежный мешок) московский князь снискал не сбором проезжих пошлин, не обсчётами удельных князей и татарского хана и не захватами чужих городов, а тем, что в улучшении хозяйственной техники он нашёл такой источник средств, который мог поспорить с серебряными рудниками, придуманными Ибн Батуттой. Лемеш, или соха-косуля, да навоз на крестьянском поле сделали его самым богатым князем в Русской земле; они дали средства для покупки Галича, Углича и Белоозера; ими он платил дань хану Узбеку и удерживал его милость, потому что не было хану расчёта рзять курицу, несущую серебряные яйца.

Таким путём при Калите был создан внешний мир для Русской земли, собраны средства и подготовлены силы, а его дети и внуки могли уже подняться до практической мысли об освобождении Русской земли от татарского ига путём восстания и о создании Русского национального государства. В это время невозможно было забыть великому князю «всёя Руси», что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹.

Что Москва и её область становятся с XIV в. центром самого прогрессивного земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом несмотря на небогатую почву, это видно из русских и иностранных сообщений о хлебных ценах в Москве и в иных городах. Под 1393 годом летопись сообщает при описании общего неурожая и голода, что оков (кадь) ржи стоил в Великом Новгороде 7 руб., в Нижнем Новгороде—9 руб., в Костроме — 2 руб., а в Москве — 1 рубль. Мы помним, что в нормальные годы оков пшеницы или чечевицы стоил в Сарае и Ургенче в первой половине XIV в. 4 р. 20 к., а ячменя или проса — 3 р. 20 к.

При этом соотношение цен в русских городах и Москве в приведённом случае не зависело от неурожая, а было устойчивым и сохранялось в течение XV и первой половины XVI в., пока длился процесс образования Русского национального государства. В 1421—1422 г. оков ржи стоил в Москве 1 р., в Коломне и Костроме — 2 р., в Нижнем — 6 рублей.

В известиях иностранцев XV в. и первой четверти XVI в. Москва выступает в качестве широко известного рынка сельскохозяйственного сырья, знаменитого обилием и дешевизной его по всей Восточной и отчасти Западной Европе.

Живший в Тане (Азов) в 1436 г. венецианец Иосиф Барбаро сообщает о современной ему Москве: «Изобилие в хлебе и мясе здесь так велико, что говядину продают не на вес, а по глазомеру. За один марк (маршетто) вы можете получить 4 фунта мяса; 70 кур стоят червонец, а гусь не более 3 марок». Лично побывавший в Москве в 1476 г. венецианский посол Амброзио Контарини, бывший перед тем в Персии и в Закавказье, сообщает о Москве: «Жизненные припасы в ней так дешевы, что во время моего пребывания 10 наших стар пшеницы стоили червонец (в этой пропорции продавался и прочий хлеб); 3 фунта мяса — один сольд; 100 кур или 40 уток также червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов»².

Так как старо — это 3 четверика, то 10 стар, или 30 четвериков, составляли немного меньше 4 четвертей, или русскую кадь. Следовательно,

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73.

² Семёнов «Библиотека иностранных писателей о России», стр. 58, 109—110. СПб. 1836.

Контарини в 1476 г. платил червонец за кадь, или оков, пшеницы в 14 пудов весом. К сожалению, он не сообщает, какой червонец он имеет в виду. Но если принять, что здесь разумеется тот венгерский червонец, о котором говорит бывший в Москве в 1517 и 1526 гг. Герберштейн и который был, очевидно, ходячей монетой в Москве того времени, то он стоил 100 московских денег, или полтину на московский счёт¹. В таком случае в Москве в 1476 г. за оков пшеницы платили вдвое дешевле, чем за оков ржи в 1393 г., во время голода. А так как в червонце считалось 124 сольда, то сольд котировался в Москве почти за деньгу, или $\frac{1}{2}$ копейки. И за эту деньгу давали 3 фунта мяса. Курица стоила также одну деньгу, а самый лучший гусь — не свыше 3 денег, или $1\frac{1}{2}$ копейки.

Понятно, почему писавший в Италии в 1523 г. Кампензе говорит, что приезжающие в Москву иностранцы привозят сюда деньги и платят их «за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности». К этому надо добавить, что, по свидетельству Барбаро, в Москве зимой на льду Москвы-реки можно было закупить одновременно до 200 ободранных туш быков и свиней. При этом товары не сельскохозяйственного значения стоили на нём вовсе не дешево, на что указывают те же иностранцы. Так, Павел Иовий, писавший в Италии со слов русского посланника, говорит, что мех на шубу в 1526 г. стоил в Москве не менее 1000 золотых, т. е. тех же червонцев. О дороговизне мехов в России сообщает также и Сигизмунд Герберштейн, бывший в Москве, как упомянуто, в 1517 и 1526 годах.

Источником необыкновенной дешевизны сельскохозяйственной продукции были, несомненно, условия местного её производства. Об этом можно заключить на основании «хорографий», т. е. описания областей, в книге того же Герберштейна.

Описывая различные провинции Московского государства, автор даёт оценку плодородия их почвы, сообщает о дороговизне хлеба в Вологде, но только при описании Московской области, обладающей малоплодородной почвой, он говорит о «старательном труде земледельцев», который принёс изобилие хлеба и обыкновенных овощей и обратил недавно лесистую местность в обработанные поля и огороды: «По пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста. Хотя старательным трудом земледельцев она довольно обработана, однако за исключением того, что производят поля, все остальное привозится туда из окружающих областей... Она изобилует хлебом и обыкновенными овощами... Они сеют дыни с особенной заботливостью и искусством: складывают в высокие рядки землю, смешанную с навозом, и в неё зарывают семена»².

IV

Рост производительных сил в основной отрасли феодального хозяйства центральных областей Северовосточной Руси неизбежно приводил к глубоким изменениям в производственных отношениях, а затем и в политическом устройстве страны. Возможность десятикратного увеличения доходности каждого хозяйства расширяла и изменяла условия существования обоих основных классов раннефеодального общества — землевладельцев-феодалов и крестьян. Наряду с крупными феодалами, князьями, боярами и церковью, быстро стали укрепляться средние и мелкие землевладельцы, дети боярские и дворяне. Их независимое существование раньше было экономически невозможно, а потому они и политически сливались с крупными вотчинами, входили в их состав. В то же время, в условиях появления товарного хлеба и внутренних рынков, из крестьянских

¹ Герберштейн С. «Записки о Московии», стр. 87—88. СПб. 1866.

² Там же, стр. 95.

масс и из крупных вотчинных хозяйств выделяются значительные группы ремесленников, сосредоточием которых становятся великокняжеские города и слободы, где возникают рынки внутреннего обмена.

В условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеские, боярские и монастырские вотчины, самые размеры которых, как равно и организация производства, были определены техникой переменной подсеменной системы, в новых условиях становились пережитком старины и осуждались на слом без надежды на восстановление.

На слом вместе с вотчинами осуждались и их огромные «дворы», в значительной доле состоявшие из несвободных «слуг под дворским», «людей»-холопов, занимавших различное положение, в зависимости от порученных им функций и близости к «государю»-землевладельцу. На слом были обречены также и все те группы феодалов-землевладельцев, которые были органически связаны с крупным землевладением. Удельные князья, бояре и даже церковь, как экономическая организация, оказались на краю гибели, безразлично, наступала ли эта гибель «естественно» и постепенно благодаря оскудению недавно «светлых» родов, разорявшихся путём разделов, залогов и продаж имений в условиях хронического безденежья среди крепнувшего денежного менового хозяйства, или они гибли в судорогах феодальной реакции, в результате острых социально-политических конфликтов: в опричнину, в смуту, в петровских реформах или в секуляризациях конца XVIII века.

Одним из ярких проявлений разрушительного процесса в старинных вотчинах является установившийся со второй половины XIV в. обычай отпускать по духовным грамотам всех несвободных слуг хозяйства, как бы велико ни было их количество. Эту обычая ещё нет в духовных грамотах Ивана Калиты, которые были написаны в начале его деятельности. Но со второй половины столетия, после Калиты, почти нет ни одного завещания феодала-землевладельца в пределах великого княжения, в котором не было бы статьи о массовом отпуске на волю всех холопов, от дьяков, казначеев, тиунов до ролейных холопов включительно. Пример подавали сами великие князья; за ними следуют князья удельные, бояре. В духовной грамоте великого князя Семёна Ивановича 1353 г. читаем: «А что моих людей деловых, или кого буди прикупил, или хто ми ся будет в вине достал, также мои тивуни и посельские и ключники и старосты, или хто ся будет у тых людей жинил, — всем тем людям дал есмь волю, куды им любо; а братье моей, ни моей княгине те люди не надобны». В духовной великого князя Ивана Ивановича, отца Дмитрия Донского, 1356 г. написано: «А хто будет моих казначеев или тивунов или посельских или хто будет моих дьяков, что от мене будет ведали прибыток ли который, или у тых хто будет женился, — те люди не надобни моим детем, ни моей княгине, дал есмь им волю. Так же хто будет моих людей купленых, грамотных, полных, — дал есмь им свободу, куды им любо; а детям моим, ни моей княгине не надобны».

Такие же статьи мы находим и в духовной Дмитрия Донского 1371 и 1389 гг., его сына Василия Дмитриевича 1406 и 1424 гг. и др. В последней духовной грамоте формулировка отпуска была несколько иной. Она показывала, что институт холопства не ликвидировался, а только свёртывался до пределов личной прислуги: «А холопи, которые подавал есмь своей княгине при своём животе, те ей и есть; а дасть моя княгиня дочерем моим из моих холопов по пяти семей, а опроче того все холопи мои на свободу з женами и з детьми»¹. То же повторяется в духовных грамотах великих князей Василья Васильевича 1462 г., Ивана III 1504 г. и в духовных грамотах удельных князей тех же центральных областей: Серпуховского, 1410 г., Волоцкого, 1477 г., Верейского. 1486 г. и других.

Этот обычай массового отпуска на свободу холопов наблюдается

¹ СГГид, Т. I, стр. 84.

также по духовным грамотам бояр-землевладельцев, причём заинтересованность в нём великих князей становится очевидной, потому что отпускаемые на волю люди именуются в новом своём состоянии людьми великого князя. Статья об отпуске холопов, таким образом, являлась пунктом завещания «людей» в пользу великого князя, и его едва ли можно было обойти, если завещатель не хотел рисковать неутверждением своих посмертных распоряжений. Адриан Ярлык, «старец Симонова монастыря», пишет, например, в своей духовной около 1460 г.: «А што мои люди полные, а те по моём животе пойдут на свободу, — люди князя великого». Или: «А что люди отца моего старые, Окул с зятем да Плоския з женою с Васискою, да с своими детми, — люди великого князя» — или «люди божи да великого князя»¹.

Помимо добровольной уступки своих холопов в разряд «людей божьих да великого князя» бывали случаи принудительного их освобождения в случае опалы со стороны великого князя. В духовной грамоте великого князя Василья Дмитриевича 1406 г., например, написано: «А хто моих казначеев или тивунов или дьяки прибыток мой ведали, или посельские, или ключники, или хто холопов моих купленных, или што есмь у Федора у Свибла отоимал, тех всех пушаю на свободу, и з женами и с детьми, — ненадобны моему сыну и моей княгине».

Назначение этих «людей божьих да великого князя», а равно и степень заинтересованности великого князя в их умножении станут понятны, если принять во внимание, что только часть отпущенников «за деньги снова продаются в рабство другим господам», о чём сообщает Герберштейн; другая часть вынуждена была садиться на землю и превращалась в «сирот» крестьян, жалкое положение которых описывает тот же автор². Третья и, возможно, значительная часть, в том числе все высшие разряды слуг — казначеи, дьяки, ключники, посельские и вообще «приказные люди, которые мой приказ ведали, или «прибытки мои смотрели», — выходя на свободу и делаясь людьми великого князя, меняли хозяйственные функции на военную профессию и зачислялись в полевую армию великого князя, обращаясь в его «детей боярских и дворян» и получая для этой цели от великого князя участки земли с крестьянами на поместном праве.

Как известно, первого помещика упоминает духовная великого князя Ивана Калиты 1328 г.: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Ворькову, — аже иметь сыну моему которому служити, село будеть за ним; не иметь ли служити детем моим, село отоимуть». В дальнейшем этот институт получил широкое развитие и нередко пополнялся за счёт разрушаемых при присоединении к Московскому государству удельных и боярских дворов. Такое использование бывших послужильцев и холопов являлось, повидимому, системой Московского государства XV века. После взятия Великого Новгорода, например, в разряд детей боярских великого князя были обращены многочисленные слуги боярщин, о чём была составлена книга под заголовком: «Лета 6991-го (т. е. 1483) апреля в 8 день как Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу Московскому под его богохранимую державу Великий Новгород, и по его государеву изволению распущены из княженецких и их боярских дворов служилые люди» и т. д. Или: «Лета 6991, июля в 17 день Бог поручил великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси дородному Великий Новгород под его богохранимую державу, — имена княженецким и боярским слугам, чей бывал послуживец и хто чей сын и племянник и внук и зять, как князь великий имал из боярских дворов людей

¹ Акты до юридического быта относящиеся. Т. I, № 84 (до 1459 г.) и № 85 (до 8 июля 1460 г.).

² Герберштейн С. Указ. соч., стр. 76, 85.

испоместить по своему государеву указу — в Воцкой пятине писцу Дмитрию Китаеву»¹.

Таким образом, развитие производительных сил приводило к мощному процессу разрушения боярщин, который в то же время был освобожденным процессом для широких кругов послужильцев и слуг, составлявших администрацию и рабочий аппарат этих боярщин. Разрушались крупные вотчины светских и церковных владельцев, падали и теряли независимость уделы, а на их развалинах стремительно развёртывался слой средних и мелких землевладельцев — помещиков великого князя. Рождение этого слоя феодалов и его развитие было обусловлено новой техникой. Уже поэтому дворяне и дети боярские — помещики — получали землю, заранее измеренную великокняжескими писцами в трёх полях, в размерах, годных для ведения хозяйства только на новых основаниях. Новые помещики должны и, возможно, обязаны были применять на полученных землях новую технику и потому являлись носителями хозяйственного прогресса.

Мы говорили о влиянии развития производительности сельского хозяйства на его организацию и на класс феодалов-землевладельцев. Не меньшим было воздействие его на второй основной класс феодального общества — на крестьян. Рост производительных сил, новая техника и производство большого количества хлеба, который можно было продавать и покупать, также взламывали крестьянский класс и раскалывали его на две антагонистические группы, как и класс землевладельцев.

В условиях небывалой дешевизны хлеба из крестьянства стали выделяться группы ремесленников, отходивших от сельского хозяйства и специализировавшихся в своём ремесле. Они соединялись с теми ремесленниками, которые по разным случаям оставляли боярские усадьбы. Вместе они образовывали характерные для Новгородской области конца XV и первой половины XVI в. «рядки» или целые посады, самым существенным признаком которых были их рынки, где продукты городского ремесла обменивались на привозимый крестьянами хлеб. Городообразующим элементом в этих «новых городах» периода «цветущего феодализма» становятся не феодалы «своеземцы» различных рангов, как было встарь, а безземельные ремесленники и торговцы, получившие в конце XV в. новое наименование — «посадских людей».

Притягательной силой городов и занятия ремеслом была большая выгодность его по сравнению с крестьянским хозяйством в условиях длительной дешёвизны хлеба. В середине XV в. в грамоте на чёрный бор. 1456—62 гг. новгородское вече приравнило платёжеспособность ремесленника, имеющего невод, лавку, кузницу или кожевный чан, к платёжеспособности крестьянского хозяйства в составе двух работников и трёх лошадей или же четырёх безлошадных крестьян². Чернорабочий в Москве, зарабатывавший в день полторы деньги, в конце XV и начале XVI в. мог купить за эти деньги на рынке 8,4 фунта пшеницы, или 4,5 фунта мяса, или полторы курицы. Ремесленник, получавший по две деньги, или одну копейку, в день покупал на эти деньги ежедневно по 11,2 фунта пшеницы, 6 фунтов мяса или пару кур³.

Если в XIV—XV вв. среди происходившей ломки незаметен ещё сильный рост городского населения, то в первой четверти XVI в. он привлекает общее внимание. В 1520 г. жители Нарвы писали ревельцам: «Вскоре в России никто не возмётся за соху, — все бегут в город и становятся

¹ Базилиевич К. «Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века», стр. 64, 69. «Исторические записки», кн. 14-я. М. 1945. В последней цитате из А. Макаевича («История местничества», стр. 168—169. Одесса. 1888), вместо «Ивану Васильевичу» ошибочно «Ивану Даниловичу», т. е. Калите.

² ААЭ. Т. I, № 32, стр. 24.

³ Герберштейн С. Указ, соч., стр. 85.

купцами, и если не покупают, то все же столько воруют, что богатеют». Каждому, приходящему в город, был в это время обеспечен быстрый успех. «Воры и разбойники из тюрем и всякого рода негодяи, даже свинопасы посылаются туда», т. е. в Ивангород и Копорье, сообщают нарвцы своим корреспондентам. «Люди, которые два года назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами и финансистами и ворочают тысячами»¹. Митрополит Даниил (1522—1539) в одной из проповедей также касается этой злободневной для современников темы: «Всяк ленится учиться художеству, вси бегают рукоделия, вси щают торговли, вси поношают земледелателем»².

В конце XV в. уже складывается класс посадских людей, каждый член которого считается (по царскому Судебнику 1550 г.) в пять раз «честнее» крестьянина-земледельца. В Судебнике 1497 г. уже намечается особое городское право для горожан, более льготное, нежели право для сельского населения. В течение XVI в. вновь возникает около 60 городов.

Этот процесс также не проходит мимо великих князей. Присоединяя уделы, они всегда берут города себе и только в исключительных случаях кому-нибудь их дают. Если удельные княжата и их потомство сохраняли иногда за собой вотчины в бывших своих княжествах и получали их вновь в иных местах, то они не сохраняли городов и не могли приобрести их вновь. Во второй половине XV в. в слагавшемся Русском национальном государстве происходил процесс освобождения городов от феодальной зависимости по типу освобождения городов в средневековой Англии.

Герберштейн, наблюдавший Россию при великом князе Василье III в 1517 и 1526 гг., говорит об этом великом князе: «Он исполнил то, что начал его отец, — именно отнял у всех князей и других владельцев все их города и укрепления. Даже своим родным братьям он неверяет крепостей и не позволяет им в них жить»³. В другом месте мне удалось показать, что и Василий Тёмный и особенно Иван III «строили» свои посады, т. е. обеспечивали их тяглое население землёй, запрещали частным землевладельцам держать в своих городских дворах более двух дворников, отбирали у монастырей их слободки и т. п.⁴

Таким образом, развитие производительных сил раздвигало рамки существования и второго основного класса — крестьянства — и вызывало в нём процесс глубокой дифференциации, как и среди феодалов. Под воздействием этого мощного фактора оба основных класса раннефеодального общества раскалывались каждый на две борющиеся между собою группы, или подклассы, причём в обоих случаях в загоравшейся внутриклассовой борьбе преимущества были на стороне вновь возникающей части: мелкие феодалы-дворяне одерживали верх над крупными — боярами и церковью, а горожане — посадские люди — над крестьянством, из недр которого они были рождены дыханием новой жизни.

V

Возникновение и процветание дворянства и горожан было неразрывно связано, с одной стороны, с разрушением феодальных вотчин и ликви-

¹ Гильдебранд Г. «Отчёты о разысканиях, произведённых в рижском и ревельском архивах по части русской истории». Приложение к XXIX тому «Записок Академии наук» № 3, стр. 93. СПб. 1877.

² Жакин В. «Митрополит Даниил и его сочинения», стр. 543. М. 1881; «Чтения общества истории и древностей российских» (ЧОИДР). Кн. 2-я за 1881 год.

³ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 26.

⁴ Смирнов П. «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века». (Не издано).

дацией политической раздробленности, с другой — с торжеством великого князя и возникновением единого Русского государства.

Система политической раздробленности возникла ранее зарождения этих классов и имела основной целью укрепление того самого крупного раннефеодального землевладения, за счёт распада которого только и могли они развиваться, как новые классы наступающего периода среднего или «цветущего феодализма».

В своё время распад Киевского государства и политическое раздробление были прогрессивным явлением, потому что только таким путём можно было приблизить княжескую власть к основной, насущной задаче XII—XIII вв. — процессу окняжения и обоярения земли — и усилить функциями политического характера возникавший «вотчинный режим» землевладельцев. Фактическое осуществление и юридическое оформление задачи такого масштаба, как окняжение и обоярение земли, требовали не одного отдалённого и сильного киевского князя, а десятков и сотен мелких князей с их канцеляриями, задачи и интересы которых были бы задачами и интересами крупных землевладельцев.

Но когда эта задача в основном была выполнена, когда смерды были обращены в «сирот», которые «работают на своего господина шесть дней в неделю»¹, тогда ненужным стало политическое раздробление. Политическая раздробленность и крупное феодальное землевладение стояли поперёк пути хозяйственного прогресса и новых молодых классов, которые могли развиваться только за счёт разрушения крупного землевладения и в ущерб его политическим прерогативам. Раздробленность мешала собиранию сил для борьбы против татарского ига, являлась основным препятствием к созданию единого Русского национального государства с князем-царём во главе, которого требовали учёные и неучёные выходцы из дворянства — «осифляне».

Для них, как и для горожан, их собственное раскрепощение отождествлялось с делом национального объединения и торжеством великого князя. Они восторженно говорили о возникающей единой «богохранимой державе», о «русском царстве» и царе — земном боге, потому что то и другое в их глазах являлось источником их свободы и правды. С ними и бесправные послужилцы, крестьяне и холопы становились политическими и церковными деятелями, зажиточными помещиками и горожанами великого князя. Иосиф Санин, в прошлом «смерд» иль дворянин, потом игумен Волоколамского монастыря, перешедший от своего удельного волоцкого князя в «великое государство», «от меньших царей к большим приходяще», писал в конце XV в. о возникшем Русском государстве: «Солнце евангельское нашу землю освещает, гром апостольский оглашает нас. Устроились божественные церкви, составились честные монастыри; святители и преподобные чудотворцы наши взлетали, как бы на золотых крыльях, на небеса...» «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов...» «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, — говорит Энгельс, — тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»².

На почве этой солидарности интересов возникал союз великого князя с дворянством и с горожанами — посадскими людьми. Памятником такого союза с дворянством остаётся развитие поместной системы и обращение тысячных толп холопов и слуг удельных и боярских дворов в поместную армию великого князя московского. Таким же памятником союза с горожанами является освобождение от феодальной зависимости городов Северовосточной Руси в процессе присоединения уделов и обращения населявших их мелких своеземцев и сирот-крестьян в привилегированных

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

государевых посадских людей с особым городским правом и пятикратной защитой их «чести» против крестьян.

Но старый порядок имел своих защитников, и его разрушение не могло совершиться мирным путём. Немало было его сторонников среди князей и бояр даже в семье великого князя; на его стороне неизбежно были отдалённые окраины Великороссии, отстававшие в экономическом и социальном развитии от московского центра. Вооружённое столкновение двух враждебных лагерей феодалов произошло в форме так называемой феодальной войны XV в., длившейся почти четверть века (1433—1453).

Для нас интересны не перипетии этой борьбы за будущее, а то, «какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы её ведут, какие исторические и историко-экономические условия её вызвали»¹. Относительно этого в исторической науке нет установившегося мнения.

Совершавшийся в великом княжении Московском процесс развития привлекал одних и отталкивал других. Уже битву на Куликовом поле в 1380 г. пришлось выдержать почти исключительно центральным княжествам, к которым не присоединились ни Новгородская земля, ни Суздальско-Нижегородское княжество, ни Рязань, т. е. периферийные области с их князьями. Такое расположение сил не было случайным: знамя восстания против татар вместе с Дмитрием Донским подняли князья и ратники тех центральных областей, которые к концу XIV в. уже чувствовали живительное дыхание новой жизни. Нейтральную или враждебную позицию занимали те, кто стоял в стороне от начавшегося в центре изменения техники сельского хозяйства, массового освобождения холопов и горожан и других перемен, которые одних воодушевляли на самоотверженный подвиг борьбы за свободу против татар, а у других вызывали вражду и обращали их в равнодушных зрителей или даже союзников татар. То же расположение сил повторилось и в последней борьбе старой и новой жизни, в феодальной войне 1433—1453 годов.

Разница была в том, что теперь процесс развития нового зашёл гораздо дальше, отношения углубились и обострились. Двухсотлетние традиции соперничества с Москвой не помешали тверскому князю Борису Александровичу в решительную минуту борьбы, когда реакционные силы одержали верх, стать на сторону Москвы и поддержать дело создания Русского национального государства. Ни старые счёты, ни отрицательные черты в личном характере Василия Тёмного, ни очевидная опасность не остановили от выступления в его пользу князей Рязанских, Серпуховских, Оболенских, многих бояр и детей боярских, даже служилых татар, оказавших помощь великому князю «за его к ним добро и хлеб».

С другой стороны, неизменно враждебными оставались Новгород Великий со своими обширными землями, лесной Галич и Вятка, суздальско-нижегородские князья, т. е. опять-таки периферия.

Мы уже знаем, что ганзейская торговля принесла не прогресс, а социальную и политическую отсталость Великому Новгороду. До самого конца новгородское боярство поддерживало древнюю, идущую от Киева, традицию военной эксплуатации своих «волостей» и обмена добычи на продукты чужого ремесла, что неизбежно мешало развитию собственного ремесленного класса в Новгороде. До самого падения Великого Новгорода в 1478 г., в 72% новгородских боярщин применялся несвободный труд «людей», т. е. холопов². До уничтожения новгородской независи-

¹ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 332.

² Тараканова-Белкина С. «Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время», стр. 59—60. М. 1939.

мости вечевой колокол созывал архаическое вече, давно замолкшее в городах Междуречья.

В неизданной работе В. И. Бушуева «Опыт применения точного измерительного прибора — весов к историческому исследованию — к истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине XV века» (1941) мы находим утверждение, что суздальско-нижегородские князья, несмотря на плодородие почвы своего края, о котором говорит Герберштейн, сравнительно мало интересовались земледелием. Автор утверждает, что в первой половине XV в. каждый из суздальско-нижегородских князей владел двумя — тремя, много пятью сёлами по два—три крестьянских двора на село. Можно думать, что ещё меньше были владения их бояр, которые так легко перешли на службу к московскому князю в 1392 году.

Главным занятием суздальско-нижегородских князей, по утверждению автора, была торговля и именно работорговля, чем они сильно напоминают князей киевской эпохи. Из-за преимуществ работорговли в течение 80 лет шла ожесточённая борьба между суздальскими Борисовичами, которые тянули к Москве, и нижегородскими Дмитриевичами, опиравшимися на татарских ханов. «В работорговле нижегородские князья имели огромное преимущество перед суздальскими; у них были неограниченные запасы живого товара в лице многочисленных инородцев — мордвы, мещеры, черемисов, буртасов и т. д. И сбывать этот живой товар восточным купцам они могли легче и быстрее у себя же в Новгороде. В Суздальском же княжестве таких инородцев не было. Отсюда непрерывная борьба Дмитриевичей и Борисовичей за Нижний Новгород. Это была борьба двух фракций работорговцев за живой товар и за его рынок»¹.

Оставляя на ответственности автора нарисованную им картину, мы должны согласиться с ним в основном, а именно, что Нижегородское княжество, расположенное в непосредственной близости к Орде и обязанное ханам своим существованием, в XV в. несмотря на широкую торговлю, а отчасти и благодаря её отрицательному влиянию, в экономическом и социальном развитии стояло ступенью ниже московского центра.

Пока мы не имеем полного изображения состояния ни лесного Галичского края, ни Вятки в XV в., но можно думать, что среди лесов Заволжья, на путях к Казанскому царству, жизнь покоилась на старине, которая изживалась в центральных областях. О Вятке ещё в первой четверти XVI в. Герберштейн говорит, что эта «страна болотиста и бесплодна и служит убежищем беглых рабов». Русские переселенцы и татарские Арские князья подчиняли здесь своему владычеству вотяцкое и иное «бесерменское» население, захватывая земли, скот и девок вотяцких². Послания митрополита Ионы 1452 г. осуждают здесь распространённый обычай многожёнства. Приёмы войны здесь мало чем отличались от приёмов воинов князя Игоря в 941 году³.

Области Вологодская и Двинская в начале XVI в. «наполнены реками и болотами»; они слыли «бесплодными провинциями», где жили охотой, рыболовством, торговали мёдом и воском. Мерка хлеба (четверик), кото-

¹ Бушуев В. «Опыт применения точного измерительного прибора — весов к историческому исследованию, к истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине XV в.», стр. 58.

² Островская М. «Из истории вятских инородцев», стр. 10—18. «Известия общества археологии, истории и этнографии». Казань. 1912.

³ «Акты исторические», Т. I, стр. 490—492. Митрополит пишет вятчанам: «Ныне ново, сими часы, воевали есте великого князя вотчину, Сысолу и Вымь и Вычегду, да людей есте православного христианства много перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и в хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток, бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцов на кол сажая умертвляли, подобясь злочестивому губителю и христианом убице Ироду; а полону есте взяли более полуторы тысячи душ, да которой ныне себе держите, а иных в поганьство продаёте и в дары даёте».

рая обыкновенно продаётся в Московии по 4,5 и 6 денег, в год приезда Герберштейна (1517 или 1526) стоила в Вологде 14 денег, т. е. в три раза дороже. Белозерские места оставались необработанными «вследствие большого количества болот, лесов и отовсюду стекающихся рек». На Ваге «совсем нет хлеба»¹. Таковы черты экономики и социального быта главнейших противников Москвы и задач национального объединения, которые она преследовала начиная с XIV века.

Социально-экономические предпосылки предопределили положение борющихся сторон и исход их борьбы. Победителями вышли передовые, прогрессивные княжества, борющиеся вместе с Москвой и её князьями за создание единого национального государства. Отсталые окраинные земли и их князья были принуждены сложить оружие или погибнуть. В 1448 г. было ликвидировано Суздальско-Нижегородское княжество. В 1471—1478 гг. пал Великий Новгород. В 1489 г. была завоёвана Вятка. Ещё раньше, в 1443 г., враги объединения потерпели моральный разгром: собор епископов и архимандритов в торжественном послании от имени русской церкви осудил борьбу против великого князя московского. А в сохранившем ещё политическую самостоятельность Пскове, в Елеазаровом монастыре, старец Филофей уже слагал величавую сагу о Москве — «Третьем Риме».

Таковы были основные причины и силы образования единого Русского государства в XIV—XV веках. Это Русское государство родилось не в скопидомном сундуке Калиты, но и не на берегах Дона и степной речки Непрядвы. Оно зародилось раньше битвы на Куликовом поле, среди лесных рощиц московского центра и прилегающего к нему «ополья», его основания были заложены упорным трудом русских крестьян и ролейных холопов, удесятиривших производительность своих полей, а вместе с тем и всего современного общества, применением плуга и трёхполья.

Не выгодное положение на торговых путях, не сборы мыта с проезжих купцов и, конечно, не обманы и обчёты обогатили московских князей, а соха-косуля да навоз на крестьянском поле. Великий князь Иван Данилович стяжал себе славу устроителя своего государства и прозвище Калиты как умелый организатор хозяйства в своих 40 дворцовых сёлах и полсотне волостей. С того времени «в северной Руси привыкли смотреть на московского князя как на образцового хозяина, на Московское княжество как на самый благоустроенный удел»². Этим путём созданы были средства для будущей борьбы за освобождение от татарского ига, возжена та «свеча», о которой иносказательно говорит в своём завещании сын Калиты Семён Иванович, призывая братьев раздорами не угасить её: «Чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла»³.

Но не один великий князь был носителем планов освободительной борьбы и организатором нового хозяйства. Все группы раннефеодального общества были связаны с землёй, и всех их должно было коснуться переустройство сельского хозяйства. При Калите в Москву переводится кафедра митрополита всеа Руси. При нём же начинается обильный приток к Москве своих и иноземных выезжих людей. Легко отказываются от своих князей и «приказываются» к князю московскому бояре нижегородские в 1392 г. и тверские в 1485 году.

Были случаи перехода «от меньших царей к большим», к Москве, и духовных вассалов—монастырей. Но не только князья и бояре, митропо-

¹ Герберштейн С. Указ. соч., стр. 118—129.

² Ключевский В. «Курс русской истории». Т. II, стр. 13. М. 1906.

³ СГГид. Т. I, № 24, стр. 37—38.

литы и игумены тянулись к Москве и стремились вступить в «государев круг», на государеву службу: сюда тянулись мелкие послужилыцы, отпущенные на волю холопы, — «люди Божии и великого князя», ремесленники и торговцы, безымянное «множество людие». В Москве для каждого было дело и дешёвый хлеб. Здесь формировали поместную армию великого князя и ставили попов на всю русскую землю. Здесь ковали копёе Георгия Победоносца против Литвы и татар, в 1365 г. строили каменные стены Кремля, а в 1375 г. взятием Казани Дмитрий Иванович московский открыл наступление на татар, закончившееся победой на Куликовом поле. Здесь дьяки примеривали молодой русской державе орлиные крылья павшей Византии. Здесь холопы шли на волю, а крестьянам всем сулили Юрьев день. Москва становилась экономическим, государственным и национальным центром страны.

Попытка борьбы против усиливавшейся централизации, вылившаяся в феодальную войну 1433—1453 гг., не имела успеха, потому что успех решали не массы войск и не полководческое искусство, не дипломатия и не татарская помощь, а глубокий внутренний процесс хозяйственного развития, который крушил и ломал старинную вотчину с её натуральным хозяйством и выдвигал помещика, вызывал к жизни новые ремесленно-торговые города, внутреннюю торговлю и властно требовал единства.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ